

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Валерий Павлович Чкалов

ГЕРОИ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Два дня тому назад мы похоронили нашего Чкалова. В этот скорбный час вся страна была в трауре, вся страна оплакивала смерть своего верного сына.

Не стало Чкалова! Ушел из жизни великий летчик нашего времени. Валерий Чкалов покрыл свое имя неуязвимой славой. Его подвиги легендарны. Он жил для того, чтобы бороться, а боролся для того, чтобы победить. Красивую, героическую жизнь прожил сталинский сокол.

Не стало Чкалова! Человечество потеряло одного из благороднейших людей XX века. Сын народа, он с честью служил ему. Слава социалистической родины была его личной славой. Общественное дело для Чкалова было глубоко личным, кровным делом.

Народ вдохновлял своего любимца на героические подвиги.

В книжке «Наш трансарктический рейс» Чкалов описал свой разговор с одним американским миллионером на борту парохода «Нормандия».

«Вы богатый?» — спросил он. «Да, очень богат», — ответил я. «В чем выражается ваше богатство?» «У меня 170 миллионов». «170!!! Чего — рублей или долларов?» «Нет, 170 миллионов человек, которые работают на меня, так же как я работаю на них!»

Валерий Павлович Чкалов — герой нашего времени, герой сталинской эпохи. Человек пельного характера, огромной воли, он никогда не знал разлада мечты и действительности, слова и дела. Социалистическое общество впервые в истории человечества создало условия для творческой свободы личности, для всестороннего развития человеческой индивидуальности.

Социалистическое общество создало условия для применения огромного таланта великого летчика, великого исследователя воздуха. Валерий Павлович Чкалов был интеллигентом нового типа, интеллигентом сталинской закалки. Характер Чкалова сформировала коммунистическая партия. Подвиги Чкалова это победа социалистического общества, это завоевание коммунистической партии. Чкалова вдохновлял пафос социалистического строительства, его окрылял гений Сталина.

Трагическая смерть Чкалова почти совпала с двухлетним со дня смерти одного из благороднейших людей нашего времени — Николая Островского. Кажется бы, что нет и не может быть ничего общего в судьбах Чкалова и Островского. Великий летчик прожил жизнь счастливую, увлекательную, жизнь редкой удачи и легендарной славы. Зрелый, мужественный человек, он побеждал стихии, ему были подвластны и небо и земля.

На многие годы Николай Островский был прикован к постели. Он прожил жизнь трагическую, жизнь, при которой оставалось бы его оптимизм, его желание остаться живым. Слепой и парализованный, он был лишен элементарных человеческих возможностей: возможности видеть и возможности передвигаться. Нет, различные судьбы были у великого летчика и замечательного народного писателя. И все же в их характерах, в их отношении к обществу есть нечто сходное.

Николай Островский совершил чудо. Слепой, парализованный человек победил законы природы и вышел на первую линию огня, на первую линию борьбы за социализм.

Для Николая Островского жить значило бороться за коммунизм, значило побеждать. И он боролся, боролся до последнего вздоха.

Можно представить себе Островского мертвым, но нельзя представить его побежденным.

Только смерть могла вывести Чкалова из строя. Только смерть могла помешать Валерию Чкалову бороться.

Вот эта моральная сила, эта непобедимая воля присуща только сталинским пилотам.

Великий летчик Валерий Чкалов и замечательный писатель Николай Островский — разные люди по масштабу, по судьбе своей. Но они братья по классу, братья по мировоззрению.

Человек — это звучит гордо, писал Максим Горький. Классик социалистического реализма противопоставлял человечность людей из народа античеловечности «героев» буржуазного общества.

Мы, люди 30-х годов XX века — участники исторических боев между коммунизмом и капитализмом. На нашей стороне сила, мужество, благородство и честность. Поступками, мыслями и чувствами наших людей движут великие идеалы, движет любовь к человечеству. Такие богатыри духа, как Чкалов, как Островский, могли бороться и побеждать только у нас, только в стране социализма.

На стороне капитализма предательство, подлость, измена. Против нас они мобилизуют провокаторов, шпионов, социальных дегенератов и отщепенцев. Их «герои» — это Иуда, которого можно купить за 30 серебряников.

Чкалов погиб на своем посту. Но народ, давший миру Чкалова, бессмертен.

Два дня тому назад мы склоняли боевые знамена над прахом героя нашего времени, героя сталинской эпохи. Его имя дорого для каждого из нас, оно зовет к новым подвигам, зовет к новым боям.

Товарищи Андреев, Жданов, Булганин, Л. М. Каганович, Ворошилов, Молотов и Сталин на трибуне мавзолея во время траурного митинга.

(Фотокроника ТАСС)

ТРАУРНЫЙ МИТИНГ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ В. П. ЧКАЛОВА

Речь тов. Н. А. Буланина

От Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР

Товарищи! Из наших рядов смерть вырвала Валерию Павловича Чкалова.

Советский Союз, трудящиеся и партия лишены великого летчика нашего времени, Героя Советского Союза, замечательного гражданина и летчика, депутата Верховного Совета, члена Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

В лице Валерия Павловича Чкалова мы потеряли горюго сокола нашей доблестной Красной Армии, обладавшего огромной концентрированной волей, твердым характером, умевшем идти на риск и соединявшего в себе эти качества с отличным знанием дела.

Мы потеряли чуткого друга, боевого товарища, кристально чистой души человека.

Валерий Павлович был непревзойденным мастером советской авиации, его завоевал всемирную славу, ее расцвету и могуществу от посвятил большую половину своей жизни.

Он воспитал многих бесстрашных бойцов-летчиков, не раз уже доказавших свою отвагу и мужество и показавших всему миру суровую силу нашей непобедимой авиации.

Валерий Чкалов — сын Павла Григорьевича Чкалова — рабочего-котельщика из села Василево-Слободы, ныне Чкаловск, Горьковской области, — плоть от плоти, кровь от крови нашего великого народа.

Он рос с народом под руководством партии большевиков, под непосредственным личным руководством товарища Сталина и вырос в Героя нашей Великой Советской страны.

Вот почему сейчас, в этот день, не только здесь, на Красной площади, но и по всему Советскому Союзу миллионы трудящихся выражают свою глубочайшую скорбь по поводу этой утраты.

Валерий Павлович Чкалов начал свою самостоятельную жизнь с юных лет.

С начала своей самостоятельной жизни он был всегда верен делу рабочего класса и до конца, до момента своей трагической смерти, сохранял беззаветную преданность партии Ленина—Сталина.

Еще в 1919 году, встав в ряды лучших людей нашей страны, он добровольцем ушел на фронт защищать завоевания Октябрьской революции.

В 1923 году мы знаем Чкалова, как летчика, зачисленного в школу высшего пилотажа по классу истребителей.

Мы знаем его далее, как летчика-испытателя Военно-Воздушных Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Уже в те годы не только в авиации, но и в широких кругах народа он стано-

вится популярным и известным своим безграничным мужеством летчиком, неизменно идущим вперед, овладевающим техникой авиационного дела. О нем говорят, как о находчивом, смелом, бесстрашном Чкалове.

В 1935 году за мужество и смелость в деле испытания самолетов новых конструкций правительством наградили Валерию Павловича Чкалова высшей наградой — орденом Ленина.

В июле 1936 года товарищ Чкалов со своими друзьями и спутниками — т.т. Байдуковым и Беляковым совершил памятный всей стране исторический перелет по Сталинскому маршруту «Москва—Николаевск-на-Амуре».

Перед находчивым, смелым, бесстрашным Чкаловым встала задача, связанная непосредственно с интересами нашей родины, исполненная глубокого смысла: изучения, освоения и защиты родины.

Товарищ Чкалов совершил этот беспримерный перелет над Советской страной, над ее далекими границами, над бездной океана, сквозь ураганы и облака.

Совершив посадку самолета на маленьком малоизвестном острове Удд, носившем ныне название имя Чкалова, его самолет прошел около десяти тысяч километров без посадки, пролетев пять с лишним тысяч километров над двумя морями и Северным Ледовитым океаном.

Правительство и партия привели команду самолета Валерию Павловичу Чкалову, как и его спутникам, звание Героя Советского Союза и наградили его вторым орденом Ленина.

Через год, в июне 1937 года, товарищ Чкалов возглавляет экипаж и совершает первый в истории перелет из Москвы в Америку через Северный полюс.

Никогда еще в истории авиации не было такого перелета. Ни моря, ни океан, ни льды, ни горы — никакие препятствия не могли остановить Валерию Чкалова.

«Никакие препятствия, никакие морозы, никакие пурги и обледенения самолета не могли остановить нас». Так говорил сам товарищ Чкалов.

Откуда у Чкалова это мужество и героизм? Он сам дает ответ на этот вопрос словами, в которых виден весь Чкалов.

«Наша жизнь безраздельно принадлежит родине. Когда и где угодно мы будем, — говорил он, — кровью защищать великое счастье, завоеванное миллионами людей, живущих в Сталинскую эпоху».

«Нас часто спрашивают, в чем черпал экипаж источник бодрости?»

«В любви к родине, в любви к Сталинской Родине, в любви к нашей Родине, в любви к нашей Родине, в любви к нашей Родине».

«В любви к родине, в любви к Сталинской Родине, в любви к нашей Родине, в любви к нашей Родине».

Ответ у нас один: в чувстве близости 170-миллионного советского народа, в сознании, что о нас заботится и думает дорогая родина, что о нас в эти часы вспоминает товарищ Сталин, чье ласковое внимание мы испытали еще в прошлом году перелете.

С такими мыслями и чувствами никакие циклоны не страшны! Он принадлежал родине. Он любил родину, из среды которой он вышел.

Со всей своей чкаловской страстью он ненавидел предателей дела социализма, врагов нашей родины.

Он весь, без остатка, был предан партии. Он безгранично и горячо любил Сталина. С этими чувствами ему не страшны были трудности, никакие преграды не могли остановить его.

Эти чувства давали ему силу, мужество и героизм.

Героизм в нашем понимании — это проявление высоких человеческих качеств лучших патриотов нашей страны, которые неустанно ведут борьбу за великое дело большевистской партии, за счастье своего народа, за коммунизм!

Наш герой вышел из народа и связан с ним, они выражают его волю, интересы и чаяния.

Героев Советского Союза рождает страна, где уничтожена эксплуатация, где живет и работает великий свободный народ.

В образе Валерия Чкалова воплощены лучшие черты героев нашей страны, выросших в Сталинскую эпоху.

Валерий Павлович Чкалов — тип нового человека, воспитанного нашей большевистской партией.

Его образ всегда должен быть для нас примером революционной самоотверженности и большевистской верности делу коммунизма.

С глубокой скорбью мы прощаемся сегодня с родным Валерием Павловичем.

На смену таким бойцам за нашу родину, за дело коммунизма должны подняться новые и новые герои.

Они должны унаследовать чкаловскую твердость характера, его отвагу и мужество и сочетать их с отличными знаниями дела.

Они должны быть такими же беззаветно преданными делу народа, делу партии, нести в своих сердцах волю народа, честь и достоинство своей великой страны.

Образ Чкалова должен звать советских граждан, патриотов социалистической родины, по пути, которым шел Валерий Чкалов, к дальнейшему подъему во славу и могущество нашей Великой Социалистической родины.

Согретые любовью и заботой советской власти, под солнцем Ленина, под солнцем Сталина ярко расцветают на советской земле народные таланты, развернули во всем блеске свои способности советские люди.

Валерий Чкалов — яркий представитель народных талантов, вытесованных и воспитанных нашей партией.

Имя Героя Советского Союза Валерия Чкалова — родное, близкое каждому трудящемуся нашей страны.

С великой гордостью и любовью имя Чкалова произносили и всегда будут произносить трудящиеся страны социализма.

Народный герой Валерий Чкалов был, есть и будет примером для советских летчиков, для советской молодежи, для всего народа примером того, как надо быть бесстрашным и мужественным, безгранично любить свою родину и столь же безгранично ненавидеть врагов народа, быть до конца преданным делу партии Ленина—Сталина.

Сталин — знамя нашей жизни, знамя борьбы и великих побед социализма.

Под этим знаменем Валерий Чкалов совершал героические перелеты, величайшие в истории человечества подвиги.

Под этим знаменем Чкалов покрыл неуязвимой славой социалистическую отчину, проложив трассу через полюс и соединив воздушным путем два земные полушария.

Тяжела утрата советской страны, великая горе народа, велика наша скорбь.

Трудящиеся Москвы и Московской области, склоняя знамена над прахом безмерно почтенного героя, еще теснее сплетают свои ряды вокруг партии большевистской.

Нет такого уголка нашей родины, где бы не знали, где бы не произносили с любовью, с восхищением и гордостью имя Валерия Чкалова.

Имя замечательного пилота современности также широко известно и за пределами нашей родины. Его имя отождествляется с исключительной храбростью, любовью к родине, преданностью партии Ленина — Сталина. Миллионы трудящихся за рубежом советской страны видели в нем тип нового человека, воспитанного социалистическим обществом.

Тяжело переживать потерю великого летчика. Еще тяжелее переживать утрату товарища, друга с которым приобретена многими годами в совместной упорной борьбе с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

вокруг великого вождя и учителя товарища Сталина.

Трудящиеся Москвы и Московской области знают, что лучшим венком на могилу героя будет упорная борьба за дальнейший расцвет нашей промышленности, сельского хозяйства, культуры, за дальнейшее укрепление обороны страны, беспощадное уничтожение врагов народа, полных наймитов фашистских разведок.

Мужественный образ великого сына народа Чкалова будет служить призывом к новым подвигам во славу нашей социалистической родины.

Для Валерия Чкалова главным в жизни была неустанная борьба за величие и мощь любимой отчины, за честь и достоинство советского оружия, за честь и достоинство советской авиации.

Знамя советской авиации — лучшей авиации в мире, несущей на своих крыльях счастье человечеству, освобождение от капиталистического рабства всем трудящимся, — находится в надежных руках сталинских пилотов, советских летчиков, боевых соратников Чкалова.

И когда наступит час тревоги, когда советским рубемам будет грозить опасность — многие тысячи советских людей сядут за штурвалы советских самолетов и, храня в своем сердце светлый образ и память о большевистско-герое Валерии Чкалове, полетят и будут разить, уничтожать врагов советской земли всех до единого.

Дело коммунизма, за которое боролся и отдал жизнь товарищ Чкалов, победит во всем мире.

Пусть вечно живет память о великом летчике сталинской эпохи — родном Валерии Павловиче Чкалове!

Речь тов. Г. Ф. Байдукова

От летчиков и Героев Советского Союза

Нет такого уголка нашей родины, где бы не знали, где бы не произносили с любовью, с восхищением и гордостью имя Валерия Чкалова.

Имя замечательного пилота современности также широко известно и за пределами нашей родины. Его имя отождествляется с исключительной храбростью, любовью к родине, преданностью партии Ленина — Сталина. Миллионы трудящихся за рубежом советской страны видели в нем тип нового человека, воспитанного социалистическим обществом.

Тяжело переживать потерю великого летчика. Еще тяжелее переживать утрату товарища, друга с которым приобретена многими годами в совместной упорной борьбе с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Сын рабочего-котельщика, саморозок, вышедший из народа, он выработал в себе свойства пилота-виртуоза. В своей летной жизни Валерий не раз встречался с глазу на глаз со смертью и всегда умел найти выход из, казалось бы, безнадежного положения с воздушной стихией. В эти часы, когда смерть друга кажется непреодолимой, облик его — такой ясный и родной — стоит перед нашими глазами. Как-будто мы только-что беседовали с ним, слышали его задушевный голос.

Речь тов. А. С. Шербакова

От трудящихся города Москвы и Московской области

Товарищи! Сегодня мы прощаемся с великим летчиком нашего времени — народным героем, большевиком Валерием Павловичем Чкаловым.

С глубокой скорбью коммунисты и беспартийные, рабочие, колхозники, советская интеллигенция, все трудящиеся Москвы и Московской области встретили тяжкую весть о гибели мужественного бойца, верного сына родины, замечатель-

ного, кристально чистого человека — товарища Валерия Чкалова.

Любимый народом, гордый сокол сталинской авиации, пламенный патриот советской земли, Валерий Чкалов погиб на боевом посту при испытании нового самолета.

Валерий Чкалов прожил короткую, но славную, героическую жизнь, насыщенную великими подвигами, прославившими на весь мир наш советский народ.

Товарищ Чкалов вышел из самой гущи народа. Сын котельщика, сын — молодого, кочегар, воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, знаменитый летчик — он без остатка все свои силы, свою жизнь отдал делу народа, делу социализма.

Советская власть, коммунистическая партия подняли к жизни, расчистили путь народным талантам, которые ранее мят и души капиталистической строй.

Советская власть, коммунистическая партия подняли к жизни, расчистили путь народным талантам, которые ранее мят и души капиталистической строй.

Валерий Павлович Чкалов

Его подвиги неувядаемы и бессмертны

Мы потеряли Валерия Чкалова, героического сына великого народа. Среди замечательных характеров, созданных сталинской эпохой, он был одним из самых ярких — этот бесстрашный, мужественный, беззаветно преданный делу Ленина — Сталина человек.

Это имя знало все человечество. Его знали не только как великого мастера перелетов, вошедших в историю. В его имени символически выражались качества советского человека: ясность цели, упорство в ее достижении, умение преодолевать все и всяческие препятствия, какими бы грозными они ни были. Именно за эти большевистские качества любил его все друзья человечества, именно за это невидимый его враги.

Чкалов — слава и гордость Советского

Союза. Самородок, богатырь, большевистский рыцарь культуры и прогресса, он всю свою замечательную жизнь до конца отдал беззаветному служению делу социализма. Этой замечательной жизни, начавшейся в нужде и бесправии дореволюционной России, выпало великое счастье расцвести в сталинскую эпоху. Прекрасно было это цветение. Неувядаемы, бессмертны дела и подвиги Валерия Чкалова. И тем невыразимо большее, мучительнее горечь нашей утраты.

Весь советский народ с глубоким скорбью прощается со своим соколом. Вместе со всем народом мы склоняем головы над безвременной могилкой героя.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ИВАН РАХИЛЛО

Валерий Чкалов

Так все вышло неожиданно... За день до катастрофы мы были в пирке на представлении. Валерий Павлович был в хорошем настроении, шутил, смеялся, спорил. С большим вниманием он наблюдал за ареной.

— Знаешь, я до последнего времени боялся ходить в цирк. Мне все казалось, что кто-нибудь обязательно при мне должен разбиться... Теперь привык.

В аттракте пошли с ним за кулисы, и клоунам. Один из них был расстроен малым успехом номера.

— Два месяца работали, и вот...

— Ничего, отработается, — поддразнил Чкалов, — войдет в норму. И дело не в том, что вы неважно сегодня работали. А дело, по-моему, тут гораздо сложнее.

Вы хотите вогнать новую тему в старые клоуныские маски. И в этот валя основная ошибка. По моему глубокому убеждению рыжий клоун уже отходит в предание.

Клоуна, которого обсыпали мукой и были палкой по голове, умер. Попробуй теперь ударить клоуна по голове, сейчас же из артельного зала за него выступятся и скажут, что этого делать нельзя.

В нашей стране человеку уделено достойное место, и обижать человека нельзя. Хотя бы в клоуна. Нам нужен новый, советский клоун. Рыжий вишневик не подходит к нашей действительности. Смех нам нужен. Но не надо выдумывать лишнего. Отдайтесь кругом: в жизни так много смешного, следует только наблюдать... Я вам столько смешных могут рассказать, особенно из жизни парашютистов, просто одно удовольствие! Ведь страшное часто бывает смешным, не правда ли?

Валерий Павлович рассказал о загадочных пирах.

— Ни один народ в мире не любит так пиры, как любит его русский народ. И бывал за границей в пирах. Сидит пятнадцать-двадцать скачущих зрителей, артисты на козьи лапы, стараются заработать на существование. У нас же, чтобы поехать в пиры, за день билеты приходится заказывать... Вы должны гордиться этим и петь...

На прощание повторяю: в основу работы клоуна нужно поставить не выдумку, а настоящие человеческие переживания... Я представляю себе всю трудность этого дела, но зато вам и большой почет будет. Всякое дело трудно, и каждая специальность имеет свой полус. Понял?.. Его достичь нужно.

Мы пошли покурить. В коридорах толпились загримированные артисты: акробаты, жонглеры, эквилибристы, укротители, они с уважением провожали взглядами героя.

Наблюдая за работой Эдера со львами, Чкалов усмехнулся:

— Работенка!.. Я бы ни за что не согласился, опасная профессия...

Свою профессию он не считал опасной.

Познакомился с Чкаловым лично мне удалось несколько лет назад. У заводского аггара стоял широкоплечий, большелобый человек с суровым обветренным лицом. У него были внимательные синие глаза.

— Испытатель летной станции Валерий Павлович Чкалов!

Вот он, оказывается, какой!.. В то время Чкалов еще не был известен в широких массах населения, но в летных кругах слава о нем гремела. Он и Анисимов похвалялись среди летчиков огромным уважением, как несравненные мастера своего дела.

Чкалов был немногословен, разговаривал баском, вождем говором. Я напомнил ему о том, как он когда-то пролетел на самолете под Троицкий мост. Он подтвердил это.

— И вы не боялись зацепиться крылом?

— Не боялся. Я так чувствую габариты крыльев, что никогда не зацеплюсь. Так же, как обыкновенный человек — свои расправленные руки.

Он показал таблицу мировых рекордов и заявил:

— Не успокойся до тех пор, пока не перекрою все эти пиффы!

За всю практику на такой сложной работе, где он испытывал несколько десятков типов самых разнообразных машин, Чкалов не имел ни одной аварии. Это — редчайший случай в практике летчика-испытателя.

Мы пошли по заводу. Десятки новых машин самых различных конструкций загрохотали ангарами. Он шел мимо них, как укротитель, похлопывая и разговаривая с ними, как с живыми. Для каждой из них он находил свои слова, свою интонацию.

В углу стояла элегантная, крошечная машина, такая маленькая, что из кабины pilota, обернувшись, можно было достать рукой до хвостового оперения. Издали казалось, что она выкована из тончайшего серебра. Заметив мое восхищение, Чкалов усмехнулся:

— Вот в жизни постоянно так происходит. А испытатель по внешности не должен сулить. Внешность обманчива. На этой машине на всех летчиков делал только один, да и то раз. Поддерживающие плоскости у нее с зазором, а посадочная скорость — больше ста тридцати. При посадке так и норовит развернуться, еле-еле ногами держишь...

Чкалов испытывал машины на подвиг, маневренность, управляемость, на устойчивость, километраж, в фигурных полетах, «потолке» и в заключение — на шпоторе. В нем были собраны все лучшие качества летчика-испытателя: он был смеял, осторожен, предприимчив, расчетлив и притом великолепно знал материальную часть самолета. Еще до того, как машина пригнала видную, освоенную форму, он обычно уже был знаком с ее чертежами.

Эти качества — смеялость, наблюдательность, предприимчивость, настойчивость твердо вырастают в характер человека, оставая след на его лице. У Чкалова был большой открытый лоб и смеялые глаза.

Мне пришлось побывать на родине Чкалова. Он вырос в Васильевском затоне. Домик стоит на берегу Волги. Решетчатый забор. Раскиданы. Его старая, худощавая мать рассказывала о детстве сына:

— Такой непоседа был. — за зиму, бывало, три пары валенок сносил... Любил меня. Недавно прилетал на самолете...

У учительницы Славянской хранится фотография Валерия. Снимок первых лет его авиационной жизни. На снимке размашистая надпись:

«Моя первая учительница, которая показала мне букву «А» и велела ее запомнить».

Товарищи Валерия по школе рассказывают:

— Среди мальчишек во всех ребячьих предприятиях, он был вожак. Своей здоровой, плечистой фигурой он резко отличался от нас, его сверстников. В школе он обычно сидел на задней скамейке. Учился хорошо. Несмотря на свой рост и силу, был чрезвычайно добродушен.

Они рассказывали о простоте и высоком чувстве его товарищества:

— В 1925 году, когда он служил в Ленинграде, мы, несколько его земляков, приехали туда учиться. Мы были совсем бедные студенты, а он — еще малоизвестный летчик. Материальные возможности его тогда были очень скромны. Несмотря на это, он всех нас велел к себе, оказал поддержку и каждого из нас постоянно подбадривал.

Здесь мне хочется рассказать один неизвестный факт из жизни Чкалова, рисующий глубину его пылкости, как экспериментатора скоростных машин. Это было несколько лет назад.

Однажды я повстречался с Валерием Павловичем на аэродроме. У него был осунувшийся вид и какой-то не свойственный ему цвет лица.

— Что с тобой?

Он махнул рукой.

— Опыты производству... Научная сторона по изучению труда летчика пока поставлена слабо, пробую на себе.

— Каким же образом?

— А вот каким... Мне приходится давать самолету такие нагрузки, каких он никогда не будет переносить впоследствии. Разогнись самолет по прямой или начнешь пикировать, и с ходу вдруг переведешь его в другой режим полета, — в соответствии с законом инерции создается огромная нагрузка на человека и машину, достигая иногда семи-восьми крат. И чувствуешь, как на плеча нависает чужья тяжесть. Вот я и решил по собственной инициативе испытывать — какую перегрузку может выдержать человеческий организм. Разогнал машину и вывел ее из угла, да так, что голову на колени положил. На миг сознание потерял... В паху кровеносные сосуды лопнули.

— Что ж доктор говорит?

— А я и не ходил. Так жалко. Один итальянский летчик попробовал такую штуку, у него лопнули кровеносные сосуды глаз. Ослеп в воздухе и разбился. За деньгами погнался, крупный гонорар обещали...

— Ну, а ты?..

— Я из научных соображений...

Он любил Сталина

Он был предан ему сердцем и мыслью. В разговорах Чкалов всегда отзывался об Иосифе Виссарионовиче с особенной теплотой.

— Сталин увидел во мне человека...

Каждое обещание, данное товарищу Сталину, он выполнял с честью. Вместе с Байдуковым и Беляковым, Чкалов совершил два замечательных перелета: на остров Чкалов (Уд) и в Северную Америку.

Имя его навсегда останется в памяти человечества. Мы должны гордиться, что живем в эпоху, которая рождает таких богатырей.

Последний путь

Колонный зал Дома Союзов. Третий и последний день прощания с великим летчиком нашего времени. Веники уже не уместятся в зале. Они прибывают с каждым часом. Возложены венки от Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, Академии наук СССР.

Еще выше стал ход из живых цветов. На его вершине установлен траурный катафалк с урной, в которой покоится прах Героя Советского Союза Валерия Павловича Чкалова.

12 часов 40 минут. В почетном карауле стоят начальник Военно-Воздушных сил РККА командарм 2-го ранга тов. А. Д. Локтионов, Герои Советского Союза тт. Громова, Коккинаки и Рычагов. Их сменяют Герои Советского Союза тт. Хользунов, Данилин, Раскова и мастер социалистического труда Татьяна Федорова.

13 часов 30 минут. В зале остались только родственники и близкие друзья Валерия Чкалова. Четверка отважных сталинских соколов в почетном карауле склонили головы перед прахом великого друга. Это известные всему миру летчики Михаил Громов, Георгий Байдуков, Андрей Юмашев и Сергей Данилин прощаются со своим любимым товарищем.

В последних сменах почетного караула стояли тт. Димитриев, М. М. Каганович, Шверник, Ярославский, Шаленко, Шербаков, Ульрих, Городовиков, Герои Советского Союза Володьков, Липлевский, Шевелев, Мазурок, Алексеев, Коккинаки, Беляков.

13 часов 50 минут. В почетный караул вступает тт. А. А. Андреев, А. А. Жданов, М. Ф. Шкирятов, Н. А. Булганин. Их сменяют Герои Советского Союза Молохов, Слепнев, Шевелев и пост-опленовосец Лебедев-Бумач.

14 часов. У урны с прахом — новая смена почетного караула: тт. А. И. Микоян, Г. И. Петровский, Герои Советского Союза Юмашев и Данилин.

Последние минуты скорбного прощания. Вдоль почетного холма остаются лишь воинский караул.

14 часов 30 минут. Товарищи Булганин, Шербаков, Локтионов, Громов, Байдуков, Беляков, Юмашев, Данилин, Коккинаки, Молохов бережно поднимают траурный катафалк с урной. Звучит «Интернационал». Медленно выдвигается скорбящая процессия к Красной площади. Впереди несут бесчисленное количество венков и портрет Валерия Чкалова. Герои Советского Союза Володьков, Липлевский, Раскова и летчик Шевченко несут орден, которыми был награжден Валерий Павлович Чкалов за героизм, отвагу и мужество.

В скорбном молчании идут в Красной площади колонны московских тружеников.

Красная площадь. Мороз подернул ивею зеленые ели у древней стены. На кремлевских дворцах приспущены флаги.

На Красной площади траурный катафалк принимают товарищи И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. А. Андреев, Л. П. Берия. До мавзолея остается несколько шагов. В эти мгновения над Красной площадью стремительно проносятся воздушные корабли, рвущие морозный воздух ревом моторов.

Урна устанавливается на постамент. На трибуну мавзолея поднимаются товарищи И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, А. А. Андреев, А. И. Микоян, А. А. Жданов, Л. П. Берия, Г. М. Димитриев, Н. А. Булганин, А. С. Шербаков, Г. Ф. Байдуков.

14 часов 55 минут. Траурное собрание, посвященное памяти Героя Советского Союза Валерия Павловича Чкалова, открывает секретарь МК и МГБ ВКП(б) т. А. С. Шербаков. Он представляет слово заместителю председателя Совнаркома СССР тов. Н. А. Булганину, который выступает от имени ЦК ВКП(б) и Правительства Союза ССР.

И когда раздаются первые слова речи, выражающей горе страны, низко над площадью стремительно проносятся тройка красных истребителей. Звено самолетов везет знаменитый летчик Герой Советского Союза Анатолий Серов.

Затем с речью об организации и тружениках Москвы и Московской области выступает секретарь МК и МГБ ВКП(б) тов. А. С. Шербаков.

Последнее прощальное слово от лица Героев Советского Союза и советских летчиков произносит один из ближайших друзей и соратников великого pilota — Герой Советского Союза тов. Г. Ф. Байдуков.

Траурное собрание закончилось. Товарищ Сталин, руководитель партии и правительства спускается с трибуны мавзолея. Они бережно поднимают траурный катафалк с урной и направляют к Кремлевской стене.

15 часов 25 минут. Тов. Н. А. Булганин устанавливает урну в нише древней стены, которая на века сохранит прах великого летчика нашей эпохи.

По всей Красной площади приспущены знамена. Двадцать один раз потрясает воздух артиллерийский салют.

Мраморная доска с именем Чкалова закрывает нишу, где замурована урна. Звучит «Интернационал», великий гимн борьбы и победы, утверждающий жизнь, которую так любил Валерий Чкалов.

(ТАСС).

Товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Байдуков несут урну с прахом В. П. Чкалова на Красную площадь. Справа — т. Булганин.

А. БАРТО

ДРУГ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В прошлом году группой Детиздата пригласил писателей на встречу с летчиками. Пообщались, что будет Чкалов и Байдуков.

Мы не поверили: Чкалов и Байдуков с таким трудом заняты, едва ли они придут. Ровно в 8 часов, как и было назначено, они приехали.

Много бывает у нас встреч и банкетов с интересными людьми. Но этот вечер очень запомнился вот почему: Чкалов чувствовал себя не гостем, он сам был заинтересован в беседе. Мы просили, чтобы он рассказал нам о себе. Чкалов упорно хотел разговаривать о литературе.

Он потребовал, чтобы поэты читали стихи, многие из этих стихов он знал. Расспрашивал писателей о работе, высказывал свое мнение о детских книгах. Замечания его были очень меткими.

Заинтересованность Чкалова пленяла нас.

Вместо тоста Чкалов стал говорить о любви к работе, об ответственности писателя к тому, что писатель должен быть скромным. Он говорил, что есть писатели, которые, издав одну простую книгу, считают, что их должны знать все.

— Признание советского народа, — сказал тов. Чкалов, — полноту славы могут завоевать только люди, которые всю свою жизнь отдадут любимому делу, и на минуту не забывают о нем, все делая во имя его. Так же, как мы, летчики, возвратившись из одного перелета, начинаем готовиться к следующему, так и писатель, закончив книгу, не должен успокаиваться — все время, все его мысли должны быть постоянно отаны работе.

Как сейчас помню эту речь. Вижу перед собой Чкалова, требовательного, убежденного, полного энергии, отдающего все свои силы любимому делу.

Мих. ГОЛОДНЫЙ

Сталинский герой

Значит — правда, он разбитый На земле лежит сырой? Чкалов, сокол знаменитый! Чкалов, сталинский герой! Отдавал не зная тело, Побеждал стихию труд. Вся земля за ним летела В новый Сталинский маршрут. Он над Тихим океаном Победил чужой простор, Он над полюсом туманным Крылья родины простер. Как же зоркий, крепко сбитый Не парит он над страной? Чкалов, сокол знаменитый! Чкалов, сталинский герой!

Все дала ему природа Волю, силу и размах. Ломоносов, сын народа, Предсказал его в стихах. Сквозь метели, льды и тучи С ним друзья его прошли. Он связан прыжком могучим Полушария земля! И для родины крылатой Указал он путь высот, Выше в небо, соколята! Сокол с нами не умрет! Будет жить он в делом слитый Вечно в памяти живой. Чкалов, сокол знаменитый! Чкалов, сталинский герой!.

ВИКТОР ФИНК

ТЕМА ПРЕОБРАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

Несколько дней назад мы принимали в союз Володькова и Байдукова. После голосования председателем товарищам членские книжки союза писателей.

Была небольшая пауза. Потом подошла Володькова и попросила слова. Герой Советского Союза явно волновался. Он сказал, что если бы двадцать лет назад ему кто-нибудь напомнил, что он будет авиатором, авиатор Северный полюс, станет писать книги и будет признан профессиональным писателем в их союзе, то он бы такого пророка просто избил бы.

— Двадцать лет назад я был пахарем и ходил за плугом, — толкнул он. — И вот что сделала революция, партия, Сталин!

Немного раньше были у нас в клубе Полина Осипенко и Марина Раскова. Мы принимали их без торжественной программы, без больших речей. Мы хотели, чтобы гости чувствовали себя совершенно непринужденно.

Но речи все же были: Полина Осипенко первая захотела говорить. Она рассказала, как летала три героини, как скитались по тайге, как уверенно ждали помощи, как их спасли, как они ехали домой среди ликования народов, живущих между Амуром и Москвою.

Она особенно не сообщила ничего нового, — все уже было известно из газет. Но слушали, затаив дыхание: волновало самое присутствие среди нас этих необыкновенных женщин. Полина Осипенко была в военной форме. За столом, с бокалом в руке, небольшого роста коренастый капитан в гимнастерке, брюках и ботфортах, имя капитана покрыто мировой славой. На груди у капитана сплели орден. Но у капитана был мягкий женский голос.

Полина Осипенко лет-лет да встает в русскую речь украинские слова, интонации, обороты. Она сказала:

— Та ж вы то подумайте, товарищи мои любя, что у всех нашей роты, у всех Осипенко, я первая грамотная. Во мы такие были бедные, такие бедные, что и света божьего не бачили. Вот что революция мне дала, и партия, и Сталин.

В частных беседах и публично, на конференциях, съездах, совещаниях, на банкетах, на митингах и на заседаниях законодательных палат люди самых разнообразных званий точно не могут не рассказать о чуде, которое проделала с ними революция.

Эти врачи, которые были полпасаками, конгонами, ставшие инженерами; труженики, возшедшие на университетские кафедры; музыканты, родевшиеся у нищих, портных.

Социалистическая революция создала новую тему в литературе. Это — тема преобразенной жизни. Она касается миллионов в нашей стране. Она волнует и радует миллионы за тысячами рубежами. Это тема осуществленной революции, тема великих идей, воплощенных в великие дела.

Несомненно наша литература и наше искусство еще создадут произведения, в которых гениальность и величие нашей эпохи будут гениально и величественно увековечены.

Но иногда кажется, что поэзия, искусство, духовное творчество перешли в наше время в другие руки, приняли другие формы.

Вл. ЛИДИН

НАРОДНЫЙ ТАЛАНТ

Он шел хозяйственно, засунув руки в карманы, обходя эти деташа-самолеты, испытанные им, отворачиваясь от одних и оборачиваясь кивая в сторону тех, которые понравились ему, испытателю. Он был коренастый, с грузью молотобойца, с волевыми складками на крупном лице.

Волжские грузчики и тягальщики вековой, потомственные сорванные рабочие, котельщики и клепалящики производят его богатейшее племя, которому дано своими талантами и подвигами удивить целый мир.

Чкалов был из этой породы. Он был талантлив, и это был народный талант, такой же широкий, как русская песня. Чкалов шел из самых низов и поднимался до самых верхов, покориw своим крылатым именем мир, осуществив давнюю и казавшуюся утопической в прошлом мечту: найти путь из России в Америку... Он соединил эти два материка, и, казалось, что это русский народ в его лице (и в лице его спутников) только легонько диннул могучим плечом, ибо главные подвиги были еще впереди.

На аэродроме, на авиационном заводе, где он показывал нам все это обширное богатство родной авиации, он был в кругу вещей, знакомых ему до малейшего неверного дрожания в крыле самолета или неотчетливой работы мотора, ибо все это по-хозяйски было переучено его большими и сильными руками. Он внушал огромное уважение к себе, ибо это был не только мастер полетов, но и технолог, и конструктор, и механик, который указывал конструкторам и механикам на недостатки испытываемых им механизмов.

Впереди поэтов и музыкантов идет — как воплотитель гениальности нашей эпохи авиатор Валерий Чкалов.

Это он, летчик революции, в своем искусстве воплотил могущество великой страны, величие идей, которыми она живет и которые движут его в борьбе человечества.

В его руках аэроплан, мотор, горячее, все, что авиаторы называют материальной частью, было лишь средствами для выражения идеи, оно относилось к технологии творчества, как типография относится к технологии поэзии, как нотные знамья и струны относятся к технологии музыки, как мрамор и резец относятся к технологии ваяния.

Чкалов был из той славной породы, которая с великим именем на устах поднимается в надзвездные края... чтобы там, в мировом пространстве, писать знаки величия революции: оттуда они вылились всему человечеству и понятии его. Они видны, эти знаки, сверху тому человечеству, которое внизу, на этой чудной, но загадочной земле стоит и ждет излеться. Они понятны ему и будущим его. Они говорят ему, что есть край из свете, где люди уже освободились, где все равно, где преобразена жизнь миллионов, и эти миллионы сами не узнают себя и своей жизни, едва оглянувшись назад.

Поэты Чкалова были памятниками эпохи. Чкалов был художником великого народа, его певцом в великие годы его побед. Иностранцы, которые находились в эти дни в Москве, могли сделать для себя поучительные выводы из того, что они видели. Стоили жестокое декабрьское море. Захватывало дух. Но днем и ночью десятки тысяч стояли на улицах у Дома Союзов, дожидаясь, когда придет их очередь поклониться праху героя. Эти люди знали, что через скорбный зал им придется пройти быстро, не задерживаясь, так как народу много, а времени мало. Но толпы терпеливо сносили холод и жару и все прибывали и прибывали. Шли мужчины и женщины, старики и дети, горожане и сельчане. В «Правде» от 17-го помещен снимок толпы. Кто она, эта покаянная крестьянка в бараньем тулупе и в платке? Зачем пришла она к гробу? «Что ей Текуба?» — пожалуй, спросит иностранец. У себя на родине он тоже видел отважных и знаменитых людей. Он только не привык к тому, чтобы народ считал их европо своими, кровно развалился их жизни, кровно скорбел о их смерти. А в Москве люди шли, и шли, и шли. Не было видно конца людскому множеству.

Это шли люди, которые считали Чкалова своим героем и своим художником. Каждый из них, если бы ему дали слово в толпе, сказал бы, что вот комбриг Чкалов, великий летчик, пропеснивший через мировое пространство славу его Революции и имя ее вождя, был работником и сыном рабочего-котельщика, и никогда никто и не узнал бы, что он нес в себе бесстрашный разум война и горячее сердце поэта, если бы не революция, которая преобразила жизнь и дала людям радость битвы и жар героизма. Сказав это о Чкалове, каждый прибавил бы, что он пришел сюда потому, что могучий герой, у чьего праха они стоят с сердцами, полными скорби, был его брат: он, говорящий, мол тоже стал, чем захотел, и пойдет еще дальше вперед.

Валерий Павлович Чкалов

Искрящаяся жизнь

В. ГУСЕВ

После полета на остров Уд Чкалов встретился с москвичами в Парке культуры и отдыха и рассказал им о своем полете, о Сталинском маршруте, поведал о заветной мечте — перелететь через океан. Многотысячная аудитория жадно слушала отважного летчика, а он просто, как бы делая с друзьями своими сокровенными мыслями, говорил о том, что является его целью, для которой он сейчас работает, тренирует себя.

Было очень тихо. Но в напряженной тишине зрительного зала чувствовался общий подъем людей, воодушевленных этим простым рассказом.

Чувствовалось, что в те минуты в каждом, кто слушал Чкалова, нарастало желание также совершить какой-либо героический подвиг во славу родины.

На этом вечере было очень много детей. Я не знаю, как они прошли, но на ступеньках сцены, подне кулис, в проходах, всюду торчали вихристые головки юных поклонников летчика.

Чкалов кончил говорить. Я прочел свое стихотворение, посвященное перелету, затем начался концерт в честь героя.

После окончания вечера мы познакомились. Чкалов был явно смущен.

— Как же мы богатыри? Зачем это у вас так написано? Ничего такого особенного...

И тотчас же переменял разговор.

— Не любит поэзия, или, может, мои стихи не понравились, — решил я.

Это была скромность большого, простого человека.

Впоследствии, когда мы вместе выступали на вечерах, посвященных авиации, я понял, как любит этот человек стихи.

На литературных вечерах, после выступлений поэтов, творчество которых его захватывало, он бурно выражал свой восторг:

— Хорошо! Какой образ! Еще раз прочтите это место, — говорил он поэтам, особенно глубоко восприимчивым лирические стихотворения.

Настоящее искусство его радовало, волновало, нередко потрясало.

Мастер сам, он ценил всякое мастерство, его всегда манили вершины творчества, его интересовал тот путь, по которому актер, художник, композитор шли, для того, чтобы выйти до этих вершин.

К художественному театру он относился с благоволением и говорил Качалову: — Я благодарен МХАТ за то, что он научил меня любить искусство.

Он любил жить во всем ее прекрасном многообразии. Богатство мира, богатство творчества вызывало в нем какую-то детскую радость. Его радовало, что есть еще много скульптур, которыми он может любоваться, много симфоний и книг, которые надо прослушать, прочесть. Жизнь была заполнена прекрасными звуками, расцветом драгоценных красками — для этого вечно искрящегося человека.

И эта жизнь обрвалась.

В Колонном зале торжественно звучит скорбная музыка. Черный креп обвивает белые колонны. Знамена и венки покрывают тело любимца народа. Бесконечной вереницей медленно движется Москва, пришедшая в последний раз взглянуть на того, кто был гордостью страны и прославил родину во всех уголках земного шара.

Чкалов прожил прекрасную героическую жизнь.

Вдохновенный художник летного искусства

Комбриг В. КОККИНАКИ
Герой Советского Союза

Большое горе переживает советский народ. Погиб на своем почетном посту великий ставский сокол, неустрашимый покоритель пространств, Колумб воздуха, открывший Америку с Севера, продолживший кратчайший путь до нее через пустынный «полюс неприступности».

Я познакомился с Валерием Павловичем Чкаловым в 1932 году в Научно-испытательном институте военно-воздушных сил. Мы встретились с ним на земле, на ровном зеленом поле, с тем, чтобы часто встречаться в воздухе.

Передо мной стоял, широко расставив ноги, коренастый, какой-то по-особому устойчивый, крепко сложенный человек, уже известный в авиационных кругах своей беззаветной храбростью, советский летчик.

Мы вместе летали, вместе жили, вместе копались в чертежах опытных конструкций, вместе испытывали новые машины. Нас роднили с ним общие интересы летчиков-испытателей, стремление к совершенству в летном мастерстве, заботы о прусепахалии любимой отечественной авиации. Но нас роднило и что-то общее в судьбе и характере.

И у меня и у него первые детские и юношеские впечатления связаны с водными пространствами, ветром, стихией. Он родился и рос в селе Васильеве, на берегу Волги, великой родной русской реки, любил ее огромный простор, ее свободную ширь, могучую силу ее течения. Не случайно он начал свою трудовую жизнь кочегаром на старом волжском пароходе.

На берегу Черного моря родился я. Мой домик обдували норд-осты, у моих ног бились волны. Портовый грузчик — моя первая профессия.

Что-то общее было в том, что формировало наши характеры летчиков-испытателей, что-то родственное моей судьбе видел я в жизни Чкалова. И поэтому с особенным интересом и уважением и приглашался к этому выдающемуся пилоту, поэтому многому я учился у него — замечательного товарища и друга, первоклассного мастера пилотажа.

Чкалов в своей повседневной работе летчика-испытателя проявлял столько выдумки, творческой свежести, энергии и упорства, что даже опытные летчики восхищались его мастерством.

Вспоминаю одну из многочисленных эпизодов летной деятельности Чкалова. Мы работали с ним в Крыму. Это было несколько лет назад, когда у нас впервые начали применяться убранные внутрь крыла или фюзеляжа громоздкие, неуклюжие шасси. Чкалову предстояло испытать машину новой конструкции. Он, как всегда, красиво и точно поднялся в воздух. Начал подбирать и выпускать шасси. Во время очередного опыта одна «нога» не вышла. «Одноногий» самолет летел над аэродромом, авария казалась неминуемой. Чтобы выйти из создавшегося трудного положения, надо было обладать смелостью, находчивостью, темпераментом, присущими Чкалову. В продолжение более получаса он настойчиво и упорно трудился над тем, чтобы шасси вышло. Чкалов создавал перегрузку, возмывал свечей взрыв, пьезировал, разогнал самолет по прямой и неожиданно переворачивал его в другой режим полета. Начальство местного аэродрома сокрушалось неподсчитанной смелостью летчика. Но Чкалов добивался своего. Он был поистине неутомим. И только когда шасси в конце концов встало на свое место, Чкалов опустился на землю.

Труд летчика-испытателя — труд вос-

периментатора, опытного исследователя. Некоторые ужасались смелой воздушной «acrobatикой» Чкалова, не понимая того, что она возникала в стремлении открыть неизведанные доклады и способы пилотирования. Чкалов шел всегда вперед, открывая все новые и новые возможности летного искусства. За два года до того, как восходящий штормор был введен в практику советской авиации, Чкалов впервые применил его в своих учебных полетах. Он был инициатором широкого распространения ныне брешущих полетов.

Известен и такой случай из летной жизни Чкалова, происшедший с ним около десяти лет назад. Из Москвы, где снег уже таял, надо было перелететь в Ленинград, на заснеженный аэродром, истребители. В Москве сделали узкую полосу из снега, поставили машины на лыжи и предложили летчикам взлететь. Ни один из самолетов не мог подняться в воздух. Тогда попробовал взлететь Чкалов. Во время пробного полета ступило о землю левой нижней консолью. От крыла отлетел кусок, но Чкалов все-таки вывел курс на Ленинград. Объясняя этот свой мужественный поступок — полет без части крыла, — Чкалов говорил: «Надо было испробовать крепость плоскостей».

Летчик-испытатель Чкалов по праву мог считаться летчиком — создателем машины, — так ценны и плодотворны для конструкторов были его эксперименты и исследования самолетов в воздухе.

Отвага и смелость были главными, определяющими чертами в характере Валерия Павловича. Полет Москва — Северный полюс — Америка мог быть выполнен

экспажем, обладающим не только знаниями летного мастерства, но только умеющим отлично пилотировать, образцово нести штурманскую службу, в совершенстве пользоваться связью, но экипажем, обладающим исключительной, необыкновенной смелостью. В этом прославленном экипаже Валерий Чкалов олицетворял отвагу и смелость.

Сложил свои могучие крылья замечательный сталинский сокол. Все мы, советские люди, представители социалистического общества, с одинаковой болью переживаем тяжелую утрату. Валерий Чкалов был плот от плоти и кость от кости великого русского народа, был его верным сыном-любимцем. Бесстрашный в борьбе и скромный в общении с товарищами, грозный для врагов и добродушный с друзьями, суровый в работе и ласковый с детьми, неутомимый завоеватель пространств и вдохновенный художник летного искусства — вот черты, которые характеризуют Чкалова — великого летчика нашего времени.

Воспитанный партией Ленина—Сталина, преданный делу коммунизма, прекрасный гражданин Советского Союза — депутат его Верховного Совета, Валерий Павлович Чкалов был советским богатырем, легендарным летчиком, гением бесстрашия. Он был выдающимся представителем того сталинского поколения неистощимых бойцов, которые покоряют природу, прокладывают новые воздушные трассы, дерзая, как львы, защищая границы родины, строят коммунизм и несут счастье всему человечеству.

Тяжела потеря советской страны и ее Рабоче-Крестьянской Красной Армии, тапавшейся в лице Валерия Павловича талантливого комбрига, отважного военного летчика. Но живут, работают, творят, побеждают тысячи сталинских соколов, миллионы советских граждан, готовых по первому зову великого Сталина ринуться на врага, чтобы завоевать победу родине и мировому коммунизму.

АЛЕКСАНДР ОЙСЛЕНДЕР

На смерть Чкалова

Как сердце людское от боли, —
От холода стынет земля,
Прощаясь сегодня с тобой,
Валерий...
И снегом пыла,
Седует притихшие дали...
Но холод и смерть не сотрут
Того, что навек начертано
Упорство, и доблесть, и труд,
И небо — от площади Красной
На север — сквозь тучи и лед
Горит еще молнией красной
Вой там, где прошел самолет!
О, крылья, покрытые коркой,
Ледовую корку пурги, —
О, взгляд его, впитавший зорко
В туман, где видно ни зги, —
Но даже в седом океане,
Где вырос арктический пост,
Вдали возникло сияние
Кремлевских блистающих звезд!
О нового солнца не встретит,
Но память о нем не умрет,
Пока существует на свете
Не знающий смерти народ!

Сталинский питомец

Глубоко потрясены трагической смертью комбрига Валерия Павловича Чкалова, замечательного летчика нашей родины, славного героя, завоевателя мировых воздушных пространств, государственного деятеля и боевого командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Верный сын народа, сталинский питомец, один из бесстрашных воздушных орадов, подвигам которого будут удивляться потомки, пал смертью храбрости на боевом посту.

Задача оборонной советской литературы — увековечить образ Чкалова, образ отважного героя, беззаветного преданного делу коммунистической партии и народа.

Редакция журнала «Знамя» — Вс. Вишневский, С. Ващенко, А. Новиков-Прибой, А. Исбах, В. Луговской, А. Тарасенков.

11 декабря с. г. в Московском клубе писателей состоялось открытие курсов-конференции молодых писателей десяти союзных республик. На снимке: В. П. Чкалов среди участников курсов-конференции.

Фото О. Курисько

ЖЕНЕВЬЕВА ТЭГГАРД

«ПЯТАЯ КОЛОННА» ХЭМИНГУЭЯ

Письмо из США

«Пятая колонна» — первая повесть Эрнеста Хэмингуэя. Она была опубликована два месяца назад в сборнике его рассказов, и рецензенты из нашего литературного Олимпа дали ей весьма сдержанную оценку. Они считали рассказы Хэмингуэя вышедшими за пределы жанра. Прошедшей весной два различных режиссера театров Бродуэя собирались ставить «Пятую колонну», но затем отказались от своих планов. Теперь кажется сомнительным, что эта повесть будет поставлена в Америке. Во всяком случае не на Бродуэе и не в этом году.

Насколько мне известно, ни один писатель не возражал против содержания повести. Но некоторые критики упрекали Хэмингуэя в том, что он пренебрег ужасами войны, что в повести не слышно настоящего гула сражений. Они говорят об этом, несмотря на то, что в «Пятой колонне» весьма наглядно показаны результаты бомбежек. Ясно, как день, что Хэмингуэя вывел некоторых критиков из душевного равновесия тем, что перерос их старые нормы, крепче стал на свои новые позиции, перестал быть байроническим юношей послевоенного мира. Кажется, некоторые из критиков хотели бы, чтобы Хэмингуэя навсегда остался ребенком; если он вырастет совсем, они лишат его прежнего юношеского очарования. Такие люди считают несомненно великим писателем только того, кто ни во что не верит.

Что же показал нам этот очень одаренный американский писатель в своем последнем произведении? Является ли его повесть большим вывалом в дело прогресса? Является ли она руководством к действию для огромного числа преданных читателей?

Хэмингуэя из средних классов Америки? Являются ли конфликты в повести правдивыми или ложными?

Быть может, лучшим ответом на эти вопросы будет разбор пьесы сцена за сценой, рассказать ее содержание.

Действие пьесы происходит в мадридском отеле «Флорида» в наши дни.

В отеле собралось много журналистов, авантюристов и шпионов. Мы видим Дороти — высокую красивую блондинку. Это американка, приехавшая в республиканскую Испанию, чтобы писать рассказы для газет и возвышенные статьи для женских журналов в США. Дороти появляется вместе со своим любовником Престоном, типичным американским газетчиком. Они спускают на Фелипе — героя пьесы; в их глазах он всего лишь такой же писатель, как они, заведующий кафе, представитель богемы, который переносит тяготы мадридской жизни, накачивая себя алкоголем. Дороти говорит о Фелипе как раз перед его появлением на сцене: «Фелипе великодушен. Однако он возится с ужасными людьми. Я хотела бы знать, почему?»

Мы тоже недоумеем: нам показывают Фелипа только мальком, когда он постигает своего любовника, и его место занимает Фелип, поселившийся в комнате, соседней с ее спальней. Дороти завоевывает в какой-то мере наше уважение тем, что не боится воздушных полетов. Но нам также ясно, что она имеет мало представления о характере происходящей войны, и мы уже понимаем, что Фелип не только литератор, но и активный боец против агентов Франко.

Здесь начинается настоящий конфликт пьесы. Мы видим героя всецело поглощенным разоблачением гнезда фашистских шпионов. Он высказывает подозрительных лиц во всем городе и в отеле. Фелип — американский юноша среднего класса, который втянулся в серьезную работу. Он выполняет ее хорошо, искусно, он способен подчиняться дисциплине и приказаниям опытных руководителей. Мы видим также, что время от времени его одолевает желание бежать от всей этой тяжелой действительности классовых войн, вернуться (вместе с Дороти) к правдивой и легкой жизни прусепахавшего американца.

Итак, в некоторых сценах Фелип пе-

редходит от трудной борьбы с шпионажем к объятиям Дороти и мечтам о комфорте, о вкусной еде: «кофе с чистым молоком... и бриоши со свежим клубничным джемом, и начинка с ветчиной, все на одном подносе». Дороти единственно «хорошую жизнь», заполненную приключениями, путешествиями, спортом, любовью к красивой одежде и светскому обществу. Дороти — это живое воплощение американского среднего класса. В предисловии к пьесе Хэмингуэя замечает: «Здесь есть девушка в пьесе по имени Дороти, но ее имя могло быть также Тоска по родине».

Отношения между Фелипом и Дороти постепенно как бы идут к концу, и на первый план пьесы выходит Макс. Макс — немецкий коммунист, бежавший из концентрационного лагеря, начальник Фелипа по республиканской разведке. Он изображен как самый высокий и прекрасный тип человека — дисциплинированный, храбрый, благородный и гуманный революционер, коммунист. Его лицо обезображено пытками, перенесенными в фашистской тюрьме. В Максe мы видим настоящего большевика, которого глубоко уважает Фелип.

Макс и Фелип намереваются захватить испанского фашистского генерала и крупного немецкого офицера вместе с руководителями мадридской пятой колонны. Первая попытка их проваливается, вторая заканчивается успехом.

Затем происходит сцена встречи Макса с Дороти. Она одета с вызывающей роскошью. Весь ее облик кажется чужим и далеким от этой обстановки напряженной революционной борьбы. Когда Дороти уходит из комнаты, Макс спрашивает Фелипа:

МАКС. Она — товарищ?
ФЕЛИП. Нет.
МАКС. Вы ее представили, как товарища.

ФЕЛИП. Просто манера выражаться. Вы в Мадриде всех называете товарищами. Предполагается, что все работают за одного и того же дела.

МАКС. Это не такая уж хорошая манера.

ФЕЛИП. Да, я тоже так думаю.

Здесь мы обнаруживаем уже идейную близость между обоими мужчинами. Макс не хочет ничего сказать против девушки Фелипа, раз она что-то для него значит,

но Макс чувствует то же, что должен чувствовать зритель пьесы: хотя Фелип держится за Дороти, как ребенок за свою последнюю игрушку, эта игрушка ему в действительности больше совсем не нравится, на самом деле он уже скучает с ней. Мы спрашиваем себя, почему же Фелип общается с Дороти, пренебрегает ради нее своей партийной работой, если найдет девушку глупой, недостойной уважения?

Разговор продолжается:

МАКС. Вы с ней проводите много времени?
ФЕЛИП. Некоторые количество.
МАКС. Чего времени?
ФЕЛИП. Моего времени.
МАКС. А во времени партии?
ФЕЛИП. Мое время — время партии.
МАКС. Как раз то, что я думаю. Я рад, что вы сразу меня поняли.

Фелип жалуется, что он не святой, что он не может быть «иррациональным монахом».

МАКС. Фелип, товарищ. Вы никогда не были особенно похожи на проклятого монаха.

ФЕЛИП. Нет?.. Разве я плохо выполняю мою работу? Кто-нибудь жаловался?

МАКС. До сих пор никто.

ФЕЛИП. А что жалуетесь теперь?

МАКС. Я жалею теперь.

На улице разрываются бомбы. Фелип смотрит через окно на разрушенный Мадрид, и Макс указывает ему на детей и на очередь за хлебом. Макс очень просто говорит: «Мы боремся за то, чтобы весь народ мог жить той хорошей жизнью, к которой вы так страстно стремитесь. Весь народ».

После этой сцены пьесы быстро идет к концу. Макс и Фелип уничтожают шпионов. В самом конце пьесы Фелип говорит с Дороти, советует ей забыть его и продолжать свою приятную жизнь, потому что, как он объясняет, «перед нами пятьдесят лет необъятной войны, и я мобилизован на все времена...»

«Пятая колонна» — хорошо построенная повесть. В ней два конфликта: внешний — с агентами Франко, и внутренний — между чувствами и разумом героя. Этот герой типичен для многих революционных американцев, приближившихся к революционной борьбе в последние три года.

Заслуга Хэмингуэя в том, что он показывает, что растаять со своим прошлым

нелегко. Перед нами писатель — не педант, не утопист. Он остается глубоко человеком в своем сознании, что после того, как жизнь уже создана определенным образом, нужно много времени, чтобы ее изменить. В одном эпизоде Фелип говорит молодому члену Интернациональной бригады: «Вы, молодежь, счастливей, чем мое поколение. Мы безнадельны в некотором отношении». Мир среднего класса — игра и вкусная пища — все тянет Фелипа. Он знает, что может все это вновь обрести, если сядет в поезд со своей девушкой и некоторой суммой денег в кармане. В бедности и холоде и революционной борьбе Мадрида, под бомбами Франко, эти вещи кажутся очень привлекательными. И Дороти олицетворяет все это для Фелипа. Но мир Дороти недостаточно силен для того, чтобы вывести Фелипа из борьбы. Как ни далеко Фелип от совершенства, он слишком сознательный боец за дело испанского народа, и слишком хорошо знает, какую угрозу являет фашизм миру, чтобы уйти обратно к легкой жизни.

Те из вас, кто читал другие книги Хэмингуэя, знают, что и в прошлом его больше всего занимала идея храбрости. Смелое сердце всегда стремится к правой цели, и светлая голова всегда знает, где правое дело. Очень интересно наблюдать в этой пьесе, как Хэмингуэя меняет свое представление о добродетелях. В начале пьесы мы видим, что Дороти не боится воздушных полетов. Ее даже можно назвать смелой. В финальной сцене Фелип отталкивает Дороти не потому, что она труслива, а потому, что она глупа и не понимает сущности происходящего.

ДОРОТИ. Почему мы не можем уехать вместе.

ФЕЛИП. Вы можете ехать. Но я бывал во всех этих местах (они говорят о Египте, Сен-Морисе и Ривьере. — Ж. Т.) и я оставил их все позади. И тогда, куда я иду теперь, я иду один, или с тем, кто идет туда для той же цели, что иду я.

ДОРОТИ. А мне можно туда идти?

ФЕЛИП. Нет.

ДОРОТИ. Почему нет?

ФЕЛИП. Потому что вы бесполованы в самом деле. Вы не образованы, вы бесполованы, вы глупы и вы ленивы.

В пьесе Хэмингуэя мы видим классовую войну, а не просто войну. Писатель

нам ясно показывает человека, который, подобно ему, сделал выбор между демократией и реакцией. Он показывает, что ему известно многое о пятой колонне и замаскированных классовых врагах и что он понимает необходимость их обезоружения и разоблачения. Он ясно показывает, что ему понятны настоящие коммунисты в образе Макса — одним из лучших образов, созданных Хэмингуэем, а создат он не мало. Хэмингуэя показывает страх средних классов Америки перед действительностью, их привязанность к комфортной безмятежной жизни, их боязнь вступить на путь тяжелой суровой борьбы. И здесь Хэмингуэя попадает в самое чувствительное место американского среднего класса. Временное увлечение, приятное шкатулке перлов, да, это допустимо для разочарованного и лишнего от почвы человека. Но очень скоро появляется желание идти назад, к старым нормам жизни — хорошей одежде, удобным кроватям, развлечениям в приятном легком чувстве, что ничто страшное не может с нами случиться, потому что мы — американцы среднего класса и мы не должны пройти тот многострадальный путь, по которому идут другие народы. И Хэмингуэя правильно нашел тип американца, для которого выбор между двумя лагерями — самый острый жизненный вопрос.

Пьеса была отклонена режиссером Бродуэя для публики Бродуэя, потому что этим людям непонятен описанный Хэмингуэем конфликт. Только те средние американцы могут оценить глубину идеи пьесы, что стоит перед необходимостью выбирать между высокой целью и комфортом.

Но хочется кое в чем возразить Хэмингуэю. Если Фелип член коммунистической партии — а в этом у нас нет полной уверенности, то пенность Дороти, как его инстинктивными, не очень велика. Если бы Дороти была сильной натурой, которая могла бы действительно вызвать к человеку, так серьезно вовлеченному в работу, как мы полагаем, вовлечен Фелип, то пьеса была бы гораздо значительней. А у Хэмингуэя Дороти просто красивая вещь, которая представляет другие вещи.

Повесть о «Шемаханской царице»

Бор. ШАТИЛОВ

Все мы с детства лет читаем Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, все мы восторженно величаем их великими гениями и справедливо браним литературных спекулянтов, писателей N-го сорта, фабрикантов замкательного чтива вроде тех, которые печатались когда-то в многоименных приложениях к «Ниве», к «Роднику» и т. п. Все мы знаем, что великие гении старались воздействовать на мир, а не на пруды их любовности. Оттого-то и сюжеты их так естественны и часто аскетически просты. А фабриканты чтива действовали, наоборот, не на ум и сердце, а на любовь и любопытство. Оттого-то и сюжеты их так искусственны и часто аскетически просты. А фабриканты чтива действовали, наоборот, не на ум и сердце, а на любовь и любопытство. Оттого-то и сюжеты их так искусственны и часто аскетически просты.

И вот Иша всегда учился хорошо, а Галка — плохо. Но вот Иша случайно нашел старое письмо, адресованное отцу его, Василию Бережнову, и открыл «ужасную» тайну: оказывается, он вовсе не сын Бережнова, он сын Нохима Ковалева — партизана, погибшего во время гражданской войны в битве с белыми.

Это так потрясает Ишу, что он впервые в жизни опаздывает на урок и получает первый «неуд». Он «носит в груди» эту тайну и почему-то долго не решается поговорить об этом с приемным отцом, Василием Бережновым. Иша одноклассник, но Иша рассорился с ним с того дня, как Сеня сел за одну парту с рыжей Галкой и взял ее на «бугур». Сеня с Ишей тянутесь друг к другу, но раз порываются примириться, то Галка рыжей, которую один жалует и любит, другой безразлично ненавидит, роковым образом разделяет их.

В середине повести Иша приходит в класс и видит: «В углу между печкой и дверью аккуратно написанной рукой Тамары список с крупным заглавием «Наш буксир». Здесь был перечень обязательств и фамилий. Шесть буксирных пар... Винзу, одноклассник (?), фамилия Стретеновой... Иша презрительно хмыкнул, достал красный карандаш и зачеркнул последнюю строчку.

«И без Галки обойдется!» Это потрясает одноклассника Галку. «Кто же зачеркнул мою фамилию? — галкала девочка. — Тамара, Сеня, Иша, Витя, кто-нибудь? Нет! Ни на одном имени не могла остановиться Галка. «А если зачеркнул именно Сеня? Мы уже не помнимся с ним никогда».

Галка перестает ходить в школу, поворачивает зубы, обманывает мать, слоняется по улицам во время уроков или прячется на чердаке, потом забывает ее мать, и Галка совсем порывает со школой.

В мае она уезжает с матерью в Казань. Сеня Зинин приходит в ее опустевшую комнату и случайно открывает другую потрясающую тайну. Галка, оказывается, вовсе не Галка, а Сима и родная сестра своего зачатого брата Иши Бережнова. Они близнецы! А по воле рока и замысла автора гражданская война разметала их в разные стороны, они жили бок о бок, учились в одной школе, в одной группе, так незаметно друг друга и вдруг... Какой пассаж!.. Какая неожиданность!

Сеня бежит в Василию Бережнову, открывает ему тайну, и через несколько дней Василий, Иша и Сеня едут в Казань «закапаться с сестренкой». И вот осень. Ребята снова в школе, впервые после летних каникул. Все, разумеется, перешли в следующую группу, там Галка рыжая, и та осенние попытки «по всем предметам сдать на «от»». О ней говорят и ее жутко и нетерпеливо.

В девятом-десятом номере «Литературного критика» много места уделено полемике. Жанр этот не претерпел доселе в журнале, и поэтому не следует удивляться некоторой беспомощности, которую проявляет редакция на новом для нее поприще.

Удивление вызывает лишь то обстоятельство, что «Литературный критик» начал полемизировать не с теми, кто считает необходимым защитить какую-либо точку зрения, а, по всем данным, лишь для того, чтобы про сто «пополемизировать» в стиле, сильно напоминающем намерение одного из голландских героев: «...сделать какую-нибудь атаку науку, чтобы этак расшевелило душу, даю бы, так сказать, парение этакое...».

Странный набор непонятных согласий по существу и разногласий по частностям предстает взору читателя в той главе «Литературного критика», которая носит интригующее название: «Как «Литгазета» амнистировала критику».

По мнению «Литературного критика», высказанному в этой главе, «...обсуждение, начатое означенной статьей, представляется несомненным интересом». (Истати, мы были бы вполне удовлетворены этим мнением, если бы «Литературный критик» не назвал нашу статью «оказанной» — уж очень это по-канцелярски звучит). Однако, вместо того, чтобы продолжить обсуждение выдвинутых нами вопросов, опровергнуть по существу или развить соображения, высказанные в нашей статье, полемисты из «Литературного критика» предпочитают топтаться на месте, приводя в несколько деформированном виде отдельные наши формулировки и возражая на них без всякой видимой цели.

Вот что пишут они, например: «Недавно в «Литературной газете» оживленно обсуждался вопрос «какой нам нужен редактор?» Целый отдел печатался под таким заголовком, хотя, в сущности, ответ мог быть дан самой редакцией статьи без привлечения общественных сил и без затрат времени.

В результате обсуждения выяснилось, что редактор должен быть образованным марксистом и литератором, должен хорошо знать грамоту (! Ред.), чертить своим пером не слишком лениво, но и в меру ретиво, а если у него нет вкуса и любви к литературе, то лучше ему и вовсе не браться за редакторскую работу. Все это — истины бесспорные, но, пожалуй, достаточно общезвестные».

Позволим себе заметить, что, обсуждая вопросы, связанные с работой редактора, «Литгазета» исходила из того, что есть редактор, которые не удовлетворяют всем этим действительно бесспорным требованиям и стремятся не к тому, чтобы провозгласить общезвестные истины, а к тому, чтобы указать на их забвение во многих издательствах. В том же, что указание это было своевременным и необходимым, убеждает нас множество крупных и мелких фактов — от сверного отретранслированного кнута до такого, казалось бы, незначительного «штриха», как оборот «знать грамоту», имеющийся в приведенной из «Литературного критика» цитаты и незамеченный редактором этого журнала.

В своей статье «Логика и творчество» мы предостерегли товарищей из «Литературного критика» от склонности к теоретизированию догматическому, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью.

В девятом-десятом номере «Литературного критика» много места уделено полемике. Жанр этот не претерпел доселе в журнале, и поэтому не следует удивляться некоторой беспомощности, которую проявляет редакция на новом для нее поприще.

Удивление вызывает лишь то обстоятельство, что «Литературный критик» начал полемизировать не с теми, кто считает необходимым защитить какую-либо точку зрения, а, по всем данным, лишь для того, чтобы про сто «пополемизировать» в стиле, сильно напоминающем намерение одного из голландских героев: «...сделать какую-нибудь атаку науку, чтобы этак расшевелило душу, даю бы, так сказать, парение этакое...».

Странный набор непонятных согласий по существу и разногласий по частностям предстает взору читателя в той главе «Литературного критика», которая носит интригующее название: «Как «Литгазета» амнистировала критику».

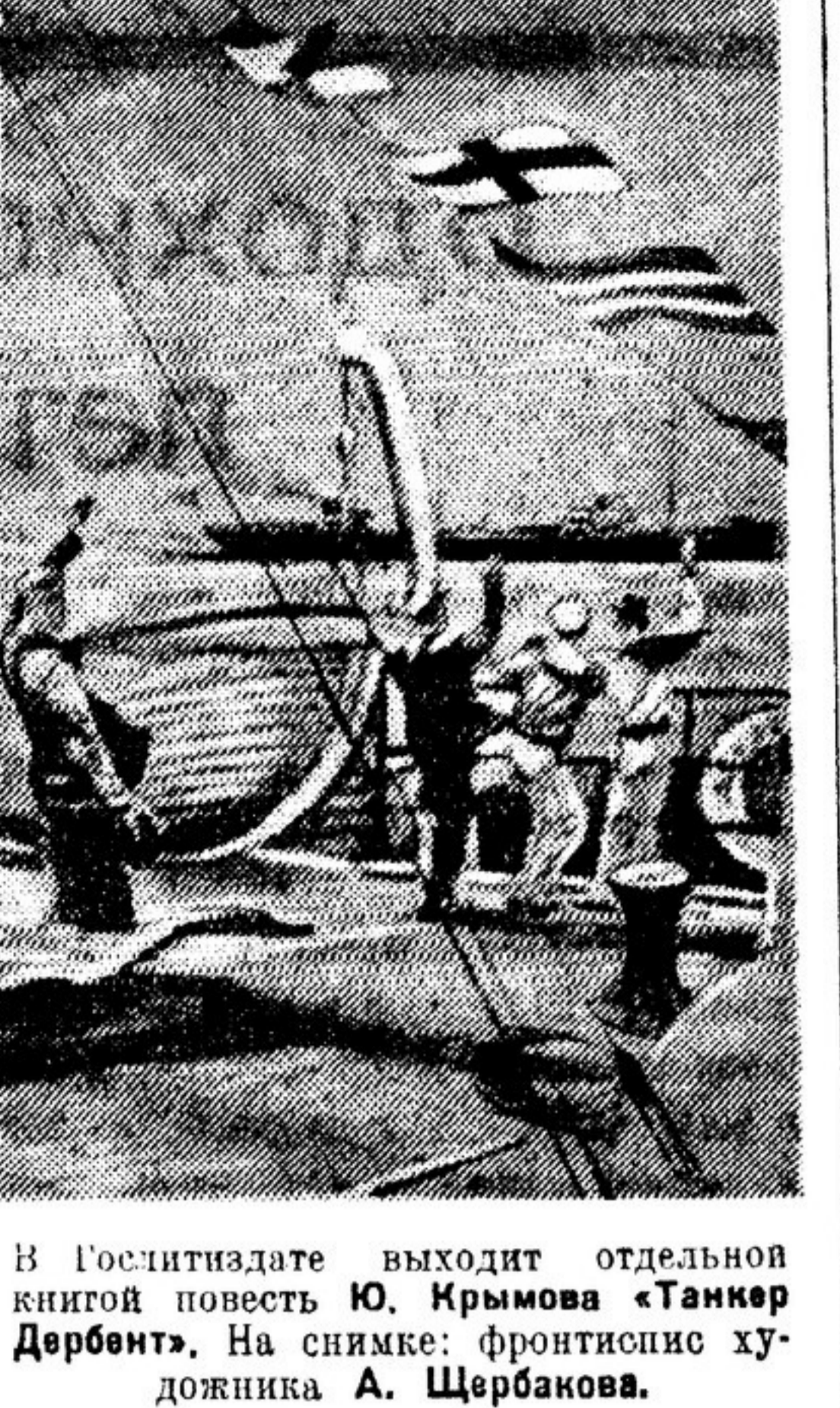
По мнению «Литературного критика», высказанному в этой главе, «...обсуждение, начатое означенной статьей, представляется несомненным интересом». (Истати, мы были бы вполне удовлетворены этим мнением, если бы «Литературный критик» не назвал нашу статью «оказанной» — уж очень это по-канцелярски звучит). Однако, вместо того, чтобы продолжить обсуждение выдвинутых нами вопросов, опровергнуть по существу или развить соображения, высказанные в нашей статье, полемисты из «Литературного критика» предпочитают топтаться на месте, приводя в несколько деформированном виде отдельные наши формулировки и возражая на них без всякой видимой цели.

Вот что пишут они, например: «Недавно в «Литературной газете» оживленно обсуждался вопрос «какой нам нужен редактор?» Целый отдел печатался под таким заголовком, хотя, в сущности, ответ мог быть дан самой редакцией статьи без привлечения общественных сил и без затрат времени.

В результате обсуждения выяснилось, что редактор должен быть образованным марксистом и литератором, должен хорошо знать грамоту (! Ред.), чертить своим пером не слишком лениво, но и в меру ретиво, а если у него нет вкуса и любви к литературе, то лучше ему и вовсе не браться за редакторскую работу. Все это — истины бесспорные, но, пожалуй, достаточно общезвестные».

Позволим себе заметить, что, обсуждая вопросы, связанные с работой редактора, «Литгазета» исходила из того, что есть редактор, которые не удовлетворяют всем этим действительно бесспорным требованиям и стремятся не к тому, чтобы провозгласить общезвестные истины, а к тому, чтобы указать на их забвение во многих издательствах. В том же, что указание это было своевременным и необходимым, убеждает нас множество крупных и мелких фактов — от сверного отретранслированного кнута до такого, казалось бы, незначительного «штриха», как оборот «знать грамоту», имеющийся в приведенной из «Литературного критика» цитаты и незамеченный редактором этого журнала.

В своей статье «Логика и творчество» мы предостерегли товарищей из «Литературного критика» от склонности к теоретизированию догматическому, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью.

В Гослитиздате выходит отдельной книжкой повесть Ю. Крымова «Танкер Дербент». На снимке: фронтиспис художника А. Щербанова.

«Пушкинские дни»

В ознаменование памяти А. С. Пушкина Ученый совет Института мировой литературы имени А. М. Горького решил на последнем своем заседании (14 декабря) организовать, начиная с 1939 года, ежегодные «Пушкинские дни».

Задача и цель «Пушкинских дней» — поведание итогов научно-исследовательских работ по изучению жизни и творчества Пушкина и популяризация бесспорных творений великого поэта среди широких масс трудящихся.

В 1939 году «Пушкинские дни» состоят 10-го и 11 февраля. Они будут проведены в виде публичных научных заседаний. В программе — 6 докладов на темы: «Народность Пушкина», «Пушкин и мировая литература», «Новые тексты Пушкина», «Обзор Пушкинианы за период 1937—39 гг.», «Пушкин и декабристы» и «Драматургия Пушкина и русская опера».

Институт литературы проводит в 1939 году «Пушкинские дни» совместно с Московской государственной консерваторией. научные работники которой примут участие и в докладах и в организации показа интерпретации Пушкина в музыке. К участию в «Пушкинских днях» привлекается также Московский Художественный театр.

Всесоюзный Комитет по делам искусств предостерегает устроить в эти дни выставку иллюстраций к Пушкину.

Путешествие Кюхельбекера

Доклад Ю. Н. Тынянова в Институте литературы

ЛЕНИНГРАД (по телефону от нашего мюрр). В Институте литературы Академии наук СССР, на научном заседании Пушкинской комиссии, состоялся доклад Ю. Н. Тынянова — «Путешествие Кюхельбекера».

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ

«ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА»

В девятом-десятом номере «Литературного критика» много места уделено полемике. Жанр этот не претерпел доселе в журнале, и поэтому не следует удивляться некоторой беспомощности, которую проявляет редакция на новом для нее поприще.

Удивление вызывает лишь то обстоятельство, что «Литературный критик» начал полемизировать не с теми, кто считает необходимым защитить какую-либо точку зрения, а, по всем данным, лишь для того, чтобы про сто «пополемизировать» в стиле, сильно напоминающем намерение одного из голландских героев: «...сделать какую-нибудь атаку науку, чтобы этак расшевелило душу, даю бы, так сказать, парение этакое...».

Странный набор непонятных согласий по существу и разногласий по частностям предстает взору читателя в той главе «Литературного критика», которая носит интригующее название: «Как «Литгазета» амнистировала критику».

По мнению «Литературного критика», высказанному в этой главе, «...обсуждение, начатое означенной статьей, представляется несомненным интересом». (Истати, мы были бы вполне удовлетворены этим мнением, если бы «Литературный критик» не назвал нашу статью «оказанной» — уж очень это по-канцелярски звучит). Однако, вместо того, чтобы продолжить обсуждение выдвинутых нами вопросов, опровергнуть по существу или развить соображения, высказанные в нашей статье, полемисты из «Литературного критика» предпочитают топтаться на месте, приводя в несколько деформированном виде отдельные наши формулировки и возражая на них без всякой видимой цели.

Вот что пишут они, например: «Недавно в «Литературной газете» оживленно обсуждался вопрос «какой нам нужен редактор?» Целый отдел печатался под таким заголовком, хотя, в сущности, ответ мог быть дан самой редакцией статьи без привлечения общественных сил и без затрат времени.

В результате обсуждения выяснилось, что редактор должен быть образованным марксистом и литератором, должен хорошо знать грамоту (! Ред.), чертить своим пером не слишком лениво, но и в меру ретиво, а если у него нет вкуса и любви к литературе, то лучше ему и вовсе не браться за редакторскую работу. Все это — истины бесспорные, но, пожалуй, достаточно общезвестные».

Позволим себе заметить, что, обсуждая вопросы, связанные с работой редактора, «Литгазета» исходила из того, что есть редактор, которые не удовлетворяют всем этим действительно бесспорным требованиям и стремятся не к тому, чтобы провозгласить общезвестные истины, а к тому, чтобы указать на их забвение во многих издательствах. В том же, что указание это было своевременным и необходимым, убеждает нас множество крупных и мелких фактов — от сверного отретранслированного кнута до такого, казалось бы, незначительного «штриха», как оборот «знать грамоту», имеющийся в приведенной из «Литературного критика» цитаты и незамеченный редактором этого журнала.

В своей статье «Логика и творчество» мы предостерегли товарищей из «Литературного критика» от склонности к теоретизированию догматическому, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью, к живности не связанному с действительностью.

В девятом-десятом номере «Литературного критика» много места уделено полемике. Жанр этот не претерпел доселе в журнале, и поэтому не следует удивляться некоторой беспомощности, которую проявляет редакция на новом для нее поприще.

и, следовательно, противоположному теории Маркса и Ленина. Мы полагаем, что изучение и пропаганда марксистско-ленинской теории — основная задача литературоведения и критики. И наша позиция очевидна: мы — против схоластического теоретизирования и за подлинное живое и действительное марксистско-ленинское литературоведение.

Далее «Литературный критик» обвиняет нас в том, что мы переоцениваем пагубность рапповских теорий и методов критики, которые, по его мнению, давно уже преодолены и забыты.

А множество искусственно созданных и непомерно раздутых репутаций, существующих в литературе и по сей день, или бравады и безответственные статьи, мешающие писателю работать, или, с другой стороны, нетерпимое барское отношение ко всякой критике, сохранившееся у многих неадекватно маститых и анархически настроенных авторов, или много околотелературных человек, всеми провалами и неправдами проникающих в союз писателей, или отвратительная традиция «проталкивания» книг в издательства и театры, или пыльная возня вокруг догматических формулировок, — разве все это не последствия рапповских методов работы?

«Литературный критик» обвиняет «Литературную газету» в том, что, цитируя Ленинскую мысль о необходимости обеспечить больший простор личной инициативе, индивидуальным склонностям, простор мысли и фантазии, форме и содержанию в литературе, «...редакция «Литературной газеты» видит противоречие Ленинскому указанию... в малом количестве статей и рецензий, напечатанных в журнале «Новый мир».

Но этот пункт основан на том, что в великом разговоре принято называть первоначальным. Дело в том, что после приведенной нами Ленинской цитаты в статье «О критике» имеется следующая фраза: «Получите обнаруживать проявления личной инициативы, индивидуальных склонностей, самостоятельной трактовки вещей в скупейших, циркулярных статьях и рецензиях, выдаваемых за критику в местных журналах». Далее приведен список статей, напечатанных в «Новом мире» за полгода и иллюстрирующих колоссальность своего и качеством наше утверждение, что «в журнале критику не организуют... превратно понимают ее смысл и недооценивают ее значение...».

Всюкому разумному человеку понятно, что речь здесь идет не о «количестве статей и рецензий».

Чем же следует объяснить, что с одной стороны, оживленно полемизировав с некоторыми положениями, высказанными в нашей статье «О критике», с другой стороны, признавая, что статья эта представляет «несомненный интерес», наконец, со многим в нашей статье соглашаясь, «Литературный критик» все же считает нужным заметить, что в статье «О критике» содержится много «общезвестных истин»?

Нам придется, рискуя навредить на себя невольностью товарищей из «Литературного критика», кончить статью двумя общезвестными истинами: 1) полемизировать следует лишь имея точку зрения, отличную от той, какую защищает человек, с которым намерен спорить, и 2) повод для полемии должен быть достаточно основательным, ибо только это делает полемическую статью интересной читателю.

Надо думать, «Литературный критик» согласится с тем, что общезвестными следует называть лишь истины этого типа.

Мы глубоко убеждены, что «Литературный критик», как и все советская печать, заинтересован в создании подлинно большевистской атмосферы в союзе писателей, среди поэтов, драматургов, прозаиков и критиков.

ОТВЕТ «ЛИТЕРАТУРНОМУ КРИТИКУ»

В № 9—10 журнала «Литературный критик» напечатана редакционная статья, часть которой посвящена мне и моей статье о романе С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страсть».

Я вполне удовлетворен тем, что «Литературный критик» согласен признать «Севастопольскую страсть» хорошим романом, а мое объяснение причин удали автора — правильным.

На все непонятные и оскорбительные для меня колкости, сопровождающие признание моей правоты, отвечать статей просто бессмысленно. Ведь ответ, как бы логичен он ни был, обязательно вызовет дальнейшее притирательство, не имеющее никакого принципиального значения.

Евгений ПЕТРОВ

ГЕОРГИЙ ШТОРМ

Шествие к Свободе

Об «Уленшпигеле» Шарля де Костера

ДВАЖДЫ СОЖЕННЫЕ

Конек XVI века. Сто восемнадцать тысяч жизней загублено испанским королем Карлом, Палачом Первым, и его сыном — Филиппом, Палачом Вторым.

Мы, современники, убеждены как раз в обратном. Мы хорошо знаем, что в мире, за пределами которого мы живем, еще здравствуют Карлы и Филиппы — расонависты и поживатели мировых войн.

Мы знаем, какой нестаряющей правдой дышат слова Костера об убийстве, подрадающемуся в мирных городах «на войлочных подпоясах»: слова о «бледных расцветках... озаряющих мостовые, заваленные трупами мужчин, женщин и детей».

«Чем живет ваша политика с тех пор, как вы парите над миром? — обращается он к угнетателям народов, к «парственым совам». И отвечает: «Кровопролитиями и избиениями».

«Кто вы не можете есть птицу, вы съедаете гнездо, лишь бы зубы не были без дела».

Такое знаменательное, предосланное слово «предисловие совам».

Голос Костера громок. Этого голоса хватит надолго. Во все эпохи реакции он будет звучать с особенной силой, этот вдохновенный голос продолжателя традиций Сервантеса, Боккаччо и Рабле...

Продолжит еще шестьдесят с лишним лет, и костры извергов вновь загорятся под небом Европы. На сей раз сжигают не людей, а книги. Все, подобное роману Костера. Все, несущее с собой ветер свободы. Горят герои и мученики, гиганты революционной мысли, «серебряки» и «вольнудимцы». Снова корчатся в дыму честный угодник Клаас и потерявший рассудок Катлина. За смех Уленшпигеля, за провозглашенный им «союз свирели и шпаги» — в огонь, в огонь снова! Идея не сгорает, но новое средневековье тычется их исполнять.

ФЛАМАНДСКАЯ ЛИСИЧКА

уст фламандца, сжигаемого на медленном огне.

А по залитым солнцем тропам идут Тиль Уленшпигель и Неле. Их руки сцеплены. Все деревья в цвету, растения полны соков. На землю нисходит май, «многотонный, как паваны».

Так лежат свет и тени в романе Костера. Шествуют рядом: трудовой народ Фландрии — с его правом на любовь, радость и песню, и незнающий смеха тиран, король-паук — с правом на кровь и золото своих жертв.

В озорных, но беззастенчивых шутках пролетают юные голы Тила. Он готовится к своей роли: «восхвалять во всю глотку все высокое, извлекать над глупостью». А тем временем королевский убогод обучается палаческой науке: в мрачных недрах Эскуриала плачет кровавыми слезами обезьянка, и лон Филипп, посылавшая лимон, смотрит на замученного зверька.

неправильности и он же — орудие борьбы с нею».

Костер превратил скомороха в национального героя, борца за свободу. «Я — белая фламандская лисичка» — порой скажет о себе Уленшпигель, ибо он очень скромно. Но мы будем судить о нем иначе. Говоря словами Роллана, это — «народный богатырь и освободитель, мстящий за свой народ смехом, мстивший за него топором».

А смех Уленшпигеля — смех народа. И мудрость его — народная мудрость. Пусть в них можно заметить «потопные шутки, затасканные на всех дорогах». Но здесь — и легенда, и сказка, и песня — все, что придает исторической картине глубоко народный характер. И образ, вырванный на национальной почве, благодаря крепчайшей связи с родною землей и ее культурой, становится образом мировым.

НЕПЕЛ СТУЧИТ В МОЕ СЕРДЦЕ

трагедий угнетенного народа. Горе обрушивается на труженика Клааса и на всю его семью.

Донос отдает его на расправу инквизитора, Клаас знает, что ему нет пощады, и судья слышит его проклинаяй голос: «Солнце жаркое и ветер могучий! Лучше бы я засушил все деревья в земле наших отцов, чем смотреть, как под их сенью владут на плаху свободу совести».

И он погибает на костре.

Но сын уносит частушку того, что было Клаасом, и прячет горсть еще теплого праха на своей груди.

Литераторы-кандидаты в академики

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Ученый совет Ленинградского Института литературы Академии наук СССР выдвинул своих кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты академии.

По мнению ученого совета, заслуживает избрания в действительные члены Академии наук СССР профессор Н. К. Пиксанов — выдающийся советский историк литературы, являющийся в настоящее время членом-корреспондентом академии.

Первая печатная работа Н. К. Пиксанова появилась в 1902 году. За 36 лет Н. К. Пиксановым написано свыше 350 работ по литературоведению, русской истории, филологии.

Особенно большое внимание уделял Н. К. Пиксанов изучению творчества и биографии А. С. Грибоедова, которому посвящен целый ряд его книг. В изучении творчества Грибоедова Н. К. Пиксанов, по мнению ученого совета, является крупнейшим авторитетом, а его работы — ценным вкладом в литературоведение.

Отмечена также научно-редакторская работа Н. К. Пиксанова. В частности, под его редакцией вышло академическое полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. С 1925 по 1933 год Н. К. Пиксанов, совместно с А. В. Луначарским, редактировал серию «Русские и мировые классики».

Научную работу Н. К. Пиксанов соединяет с большой общественной деятельностью.

Другой кандидат ученого совета Института литературы — в действительные члены академии проф. П. И. Лебедев-Полянский. В списках его трудов значится ряд монографических работ о классиках русской художественной литературы и русской критике XIX века — Островском, Некрасове, Белинском, Добролюбове, Чернышевском.

Институт литературы Академии наук СССР поддерживает также кандидатуры крупнейших советских писателей — Алексея Толстого и Михаила Шолохова.

Кандидатом в члены-корреспонденты Академии наук СССР ученый совет института выдвинул проф. В. М. Жирмунского — видного представителя советской науки в области литературы, лингвистики и фольклора. На протяжении 25 лет своей научной работы и более чем 20-летней профессорской деятельности В. М. Жирмунский приобрел широкую известность в Советском Союзе и среди переводовых кругов европейских ученых. Работы В. М. Жирмунского обращают на себя внимание своей разносторонностью.

Перу В. М. Жирмунского принадлежат 17 книг и свыше 80 статей. Среди работ В. М. Жирмунского ученый совет отмечает труды, посвященные исследованию стиха, имеющие серьезное значение для научного изучения вопросов литературы. В книге «Композиция лирических стихотворений», «Введение в метрику» и «Рифма, ее теория и история» В. М. Жирмунский дал самостоятельную теорию стиха, построенную на материале русской метрики, в ее историческом развитии с широким привлечением западноевропейского материала. В ряде книг В. М. Жирмунского дан стилистический анализ произведений русских поэтов, разрешены существующие проблемы поэтики.

Книга В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» вызвала новую литературу откликом и отзывом как в советской, так и в иностранной научной прессе. В 1938 году вышло капитальное исследование В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе».

Не ограничиваясь вопросами литературоведения, В. М. Жирмунский много работал в смежных областях лингвистики и изучения фольклора.

В. М. Жирмунский воспитал ряд научных работников, ведущих сейчас самостоятельную научную работу и преподающих в высших учебных заведениях.

Ю. ИС.

Музей Шевченко в Киеве. Курьезы в одном из залов музея. Фото О. Курьеско.

Встреча Шевченковского комитета с композиторами

17 декабря в Московском клубе писателей под председательством А. Толстого состоялось совещание юбилейного Шевченковского комитета с композиторами столицы.

Русскими переводчиками проделана большая работа. Весь «Кобзарь» переведен заново. Теперь очередь за композиторами.

В своей речи М. Рыльский напомнил композиторам о существовавшей традиции представлять образ великого украинского поэта-революционера как смиренного псалтычника. Это в корне неправильно.

Гениальный поэт был также незаурядным певцом. В воспоминаниях современников, в их письмах не раз упоминается о том, как поэт очаровывал певением своих друзей. Любовь к народной музыке, глубокое знание ее создали исключительную ритмичность стихов Шевченко. Его стихи просты на музыку. И много известных и никому неизвестных композиторов перелажали его стихи на музыку. Народ пел, поет и будет петь его стихи-песни.

Переходя к характеристике музыкальных произведений на тексты Т. Шевченко, М. Рыльский указывает, что даже такой большой мастер, как Л. Яценко, писавший кантаты, романсы и песни, — даже он не переложил основного тона шевченковского гения. Н. Яценко любил в поэте его мягкость, задумчивость, все, что соответствовало либеральной настроенности композитора. Не удивительно, что порой вещи, которые жгут сердце, переводил композитором на спокойные тона. Стихи Шевченко служили толчком многим большим композиторам. И Степанов, и Стеценко, и Муромский музыкально обрабатывали их. Но неправильное восприятие поэзии Шевченко привело к тому, что текст оказался значительно выше музыкального воплощения. Современным композиторам задача облегчена. Новые переводы, при высокой художественности, верно передают дух поэзии. Новые материалы о Шевченко дают правильное представление о нем, как о человеке. Есть все предпосылки для успешного творчества.

В заключение т. Рыльский высказал мысль, что композиторам следует писать музыку на украинский текст, так как даже лучшие переводы не бывают эквивалентны подлинникам.

Это утверждение вызвало оживленные возражения со стороны композиторов. Выступавшие композиторы считали вполне возможным и законным писать музыку на русские тексты так же, как и на украинские. Основное — чтобы текст был хорошим.

При выборе текста, сказал В. Мурадели, — имеет значение личностное восприятие его.

Согласываясь с В. Мурадели, А. Толстой уточнил мысль: только творческая дружба композитора и переводчика может определить текст для музыки.

Нашло отклик у всех собравшихся предложение В. Мурадели — организовать для поэтов, которые пишут кантаты, специальный доклад с музыкальным показом классических образцов, и предложение А. Толстого — к 15—20 января устроить вечер, на котором выступили бы композиторы с готовыми же произведениями.

Решено было поручить А. Безыменскому и В. Мурадели уточнить и практически осуществить связь между юбилейным комитетом и композиторами.

В заключение переводчики тт. Безыменский, Вязгинина, Вяжицкая, Панов, Ойстерлер, Ширят, Гатов и Панченко прочли свои переводы стихов Т. Шевченко.

М. ПРАТУСЕВИЧ

Юбилейные издания Т. Г. Шевченко

КИЕВ. (Наш корр.). Союз советских писателей Украины издает к юбилею Т. Г. Шевченко большой альманах «Писатели народов СССР — Тарасу Шевченко», в котором будут напечатаны стихи, поэмы, новеллы, песни, посвященные великому поэту. Кроме писателей Советской Украины дали согласие принять участие в альманахе А. Толстой, Вс. Иванов, М. Зощенко, К. Паустовский, В. Настиряк, И. Вабель, А. Сурков, М. Голосинский. Приглашены также народные актеры Казахстана Дзамбул, белорусские поэты Я. Купала, Я. Колас. Прислал стихотворение для альманаха Г. Якути. Размер альманаха — 25 печатных листов. В коллекцию альманаха входят Л. Первомайский, В. Сосюра, А. Матвишко.

Киевский дом-музей Т. Г. Шевченко и «Киевский художник» подготовили к изданию юбилейный фотоальбом — альбом Т. Г. Шевченко, иллюстрирующий весь жизненный, творческий и революционный путь великого украинского поэта. Каждый фотоальбом состоит из ста фотографий. Первый тираж, который намечено выпустить к юбилейной дате, издается в 5.000 экз.

Фотомонтажи художественно оформлены художниками В. В. Кричевским, И. Г. Князем, В. П. Полыным и В. А. Курцем.

Первый тираж издания будет выпущен на русском и на украинском языках.

Крайне бедно представлены Джей Лондон, Фенимор Купер, Майн Рид, Марк Твен, Жюль Верн и вовсе отсутствуют Паустовский, Беляев, Грин.

Должен быть значительно расширен в плане раздел сказок.

С большей, чем до сих пор, ответственностью Детиздат обязан подобрать карты комментаторов. Лица, которым поручается комментирование текстов, сплошь и рядом не представляют себе будущего читателя книги, а иногда сами не вполне ясно понимают смысл объясняемого ими слова или выражения. Поэтому примечания часто бывают неадекватными, а иногда носят скверный анекдотический характер. Так,

в детиздатском сборнике Маяковского («Израильное», 1935 г.) мы встречаем такого рода переделки: «Демократизм, гуманизм — различные виды буржуазных политических теорий»; «Одиссея» — поэма Гомера о странствованиях и пропавших греческого моряка Одиссея.

План «Школьной библиотеки» 1938 года Детиздат сорвал. Есть опасность, что будет сорван и план 1939 года, ибо составлен он Наркомпросом совместно с Детиздатом несерьезно, безответственно.

Мириться с этим нельзя. Издание школьной библиотеки — дело государственной важности.

В. ЛИТВИНОВ и Д. РАЙХИН.

В Детиздате

Лед тронулся. Говорят годами молчаливые люди.

Говорят с искренней верой в необходимость своего выступления, говорят горячо, взволновано, по-деловому.

Говорят о фактах! Только о них. Пока еще нет широких политических обобщений. Но произносимые слова несут в себе несомненно твердость правды, а правильно освещенное истинное положение вещей в Детиздате — сейчас самое нужное.

Три дня плое общее собрание коллектива работников Детиздата. Началось оно «традиционным» для этого издательства, плохим, местами вредным, докладом. Исполняющий обязанности директора Детиздата т. Сысов в течение полутора часов, путая факты, сбивал с толку людей.

Ах, как было трудно разглядеть вредительство в Детиздате! Ах, как мешали в этом «чрезвычайные полномочия» директора-врага! Ах, какие отчаянные розовые очки носил весь коллектив издательства! (вредительство, конечно, — как можно отрицать!) Тов. Сысов привел немало вопиющих фактов вредительства. Например, Андрей сидел до ночи в издательстве. Как можно было не видеть эти позорительные работоспособности? Например, Андрей обещал отдать под суд одного работника и не отдал. Какая позорительная беспоследовательность! Например, Андрей всегда произносил беззастенчивые речи. Почему он не ошибался? Какая позорительная ортодоксия! А вредительство было. Вредительство заключалось в том, что Андрей мало давал самостоятельности производственному отделу и фабрике.

Нет, мы решительно не согласны с тов. Сысовым. Как раз наоборот. Андрей давал слишком много самостоятельности производственному отделу и фабрике. Вплоть до того, что фабрика печатала книги (испорченные притом) без ведома издательства, а производственный отдел решил без ведома редакции, какие книги надо печатать и какие могут подходить. Уже известно, какие книги «жгали», — книги о Ленине, Сталине, о вождях Красной Армии, о родине...

Зачем вам понадобилось, т. Сысов, дезориентировать собрание коллектива? Занутились? Какая позорительная путаница!

Вначале была опасность, что дезориентированное докладом собрание пойдет по неверному пути. Робкими были первые выступления. Слово оглядывались на кого-то люди. Слово приходилось им здесь, на глазах у всего коллектива, отыскать от какой-то старой привычки, от какой-то привычки. «Самовритиковаться» в Детиздате еще кое как разрешалось. Но критиковать? Это было совсем новым занятием для подавляющего большинства коллектива. Так об этом и сказал т. Дорватовский.

Лишь к концу первого дня собрания люди разговорились. Пошел настоящий, суровый большевистский разговор, и оказалось, что остановить его уже нельзя. А пробовали!

Товарищи приводили возмутительные

факты из вредительской политики и практики врагов народа, сидевших в издательстве.

Изолировались люди. Искусственно создавалась обстановка разобщенности. Центральная фигура издательства — редактор — все дальше и дальше отрывалась от аудитории, лишалась своих прямых обязанностей. Редактору книги был закрыт доступ на фабрику, где книги печатались. Редакторам не давали пробные листы с печатных машин, а лишь сигнальные экземпляры книги, после того, как книга была отпечатана. Как следствие — огромный брак огромных тиражей. Искусственно суживался выпуск общественно-политической и научной литературы. Выгонялись честные люди. Разбазаривались деньги.

Редактор, тов. К. Андреев, приводит достопримечательный случай.

— Четыре года назад издательство решило переиздать Диккенса. Для редактирования был приглашен Евгений Ланн. Четыре года прошло. Издательство выпустило две книги Диккенса. За это Ланну выплачено... 91 тысяча рублей. Срок договора с Ланном истек. Если продолжать переиздание и сохранять редакцию Ланна, надо заключать договор снова.

Голос из зала: — И снова платить 90 тысяч?

— Да, если Ланн не попросит увеличения гонорара (окех).

Талантливому начинающему писателю издательство «не имело права» оказать хотя бы незначительную материальную помощь. А писателю, зарабатывающему достаточно и на авторстве, и на переводах, и на редактировании (перекладывании и той же книге), за счет издательства (!) строятся гаражи, отпусаются машины...

Редакция, получив талантливого рукописи, не имела даже возможности вызвать автора в Москву (денег не было), а огромный фонд «на массовую работу» оставался неиспользованным.

С тупым, непонятным равнодушием относились руководители издательства и даже некоторые члены партийного комитета к голосу рядовых членов коллектива. О нетерпимом чужаке, о барском отношении к рядовым работникам тт. Сысова, Кирилловой с глубокой обидой говорили на собрании многие товарищи.

Все становится на свое место. Все яснее и яснее вырисовывается подлинное состояние Детиздата. Становится ясным, где вредительство было, где и какие его последствия надо ликвидировать. И как бы ни утаивали сами и не старались путать других некоторые люди из «верхов» Детиздата, люди неопределенного типа, «яки буту свечка, ни чорту коверга», — ясно, что под руководством ЦК партии и ЦК комсомола Детиздат сумеет ликвидировать последствия вредительства и создать настоящую творческую обстановку в издательстве.

Б. ЕМЕЛЯНОВ.

ХРОНИКА

18 декабря в Клубе писателей началось совещание, посвященное обсуждению эстрадного творчества московских и ленинградских писателей. Об итогах 1938 г. в области московского эстрадного творчества сделал доклад И. Чески. О ленинградских писателях, работающих в области эстрады, сделал сообщение В. Влади-миров. Прения по докладам состоятся сегодня днем.

* Составляя заседание бюро поэтической секции союза писателей. Председателем бюро избран тов. Н. Асеев, секретарем — тов. Д. Алтаузен.

* 18 декабря в лектории МГУ состоялся творческий вечер поэта К. Симонова. Симонов прочел «Деловое побоеще», «Генерал» и другие стихотворения. Второе отделение вечера заняло чтение новой большой лирической поэмы, над которой поэт сейчас работает. Вечере приняла участие заслуженная артистка РСФСР Ц. И. Мансурова, прочитавшая два стихотворения Симонова.

КАЛЕНДАРЬ

КЛУБА ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня — вечер, посвященный 65-летию со дня рождения В. Я. Брюсова.

Сегодня же — декадник секции детской литературы: О. Перовская прочтет рассказы из книги для дошкольников «Хозяин», 22-го — переводчик М. Л. Лозинский читает свой перевод «Божественной Комедии» («Ад»).

Большой вечер встречи поэтов и композиторов. Выступит слово о песне скажут В. И. Лебедев-Кумач и композитор Г. Г. Крепнер.

23-го — общемосковское собрание библиотечек и лекторов, посвященное подготовке к 125-летию Т. Г. Шевченко.

25-го декабря — творческий декадник поэтов.

Творческий вечер заслуженной артистки республики М. И. Бабановой, при участии артистов Театра революции.

Письмо в редакцию

ПОЧЕМУ ЗАБЫТЫ ТЕССЕЛИ?

На южном берегу Крыма, у подножья горы, в уютном, защищенном от ветров уголке находится знаменитая, получившая историческое значение дача Тессели. Тут жил и творил Алексей Максимович Горький. Теперь это... филиал санатория «Форос».

С волнением входили в тенистый парк, бродили по аллеям, по заспанному гальковому дорожкам. Ведь по этим аллеям и дорожкам ходил горячо любимый всем нашим народом и трудящимися всего мира великий писатель Максим Горький.

В изгнание — многоводный аркальский бассейн, с печально смотрящими в воду плакучими (по надписи вавилонскими) ивами. Это сделано по замыслу Алексея Максимовича на ранее заболоченном месте.

Выгнаны и приведен в образцовый порядок заупокойный парк. Разделано много новых дорожек и площадок, произведены работы по насаждению деревьев и цветов, — все это сделано по инициативе и при непосредственном участии Алексея Максимовича и членов его семьи.

И вот все это теперь превращено в «живой и мертвый инвентарь» санатория «Форос».

Ищешь, нет ли хоть какой-нибудь надписи, какого-нибудь указания, что ко всему этому имел близкое отношение великий писатель. Ничего нет. Не видно нигде ни бюста его, ни хотя бы мемориальной доски. Ничего нет, что в малейшей степени указывало бы на присутствие Горького. Как будто его здесь никогда и не было.

Заходящий в дом. Санаторий как санаторий. Безукоризненно чистые, просторные комнаты. Но кровати, шкафы, этажерки, вся обстановка что-то непохожа на привычно-санаторскую. И вполне понятно. Обстановка та же, что и была при Горьком. В просторной столовой тот же знаменитый, описанный в литературе длинный стол, у которого Алексей Максимович принимал многочисленных своих гостей.

С внутренним трепетом входил в кабинет Горького, где великий писатель творил свои последние бессмертные произведения.

Мелестра объясняет: тут была спальня Горького, здесь — столовая. А кабинет вовсе нами не занят, он оставлен, как покинул его Горький. При этом она смотрит на вас и ждет похвалы за то, что поступила так «благородно». И действительно, в кабинете, на своем месте — большой пыльный стол со стулом и двумя глубокими кожаными креслами. Тут же полка книг. В другом конце кабинета большая рабочий стол и опять книжные полки, книжные шкафы, этажерка (часть книг убрана), кожаный диван — простая, скромная рабочая обстановка. Кабинет по-прежнему эскизно-простой, облик которого воистину неубывающий на слухающих санатория, и легко себе представить, какие даются «точные» объяснения.

Кабинет не занят. Кто хочет, может туда войти, кто хочет, может пользоваться книгами Горького. На столе, на котором Горький писал свои произведения, отходящие могут по вечерам играть в домино. Никто ни это не запретит. И никто не воспринимает, если кто-нибудь из служащих санатория возьмет оттуда что-нибудь из обстановки, когда ему понадобится, для другой комнаты.

Из кабинета ведет дверь в спальню Горького Она тоже осталась, как и бывал при нем. Но в ней теперь живут отдыхающие, и поэтому кабинет превратился в проходную комнату. Помещения, которые с величайшим интересом будут посещаться поколениями, дом и парк, которые должны стать музейными, превращены в дом отдыха.

В конце концов, если нецелесообразно все поместить оставить как музейное, то отдельные уголки и предметы, которые имеют наиболее близкое касательство к великому писателю, должны безусловно быть превращены в музейные и соответствующим образом сохранены. Если все это оставить как сейчас, то через 2—3 года здесь не останется и следа от Горького. Поместить в целом должно быть приделано в такой вид, чтобы каждый пришедший сюда не только увидел, но и почувствовал, что здесь жил и творил Максим Горький.

Этим делом должны безотлагательно заняться союз писателей и музей имени Горького.

П. ИОФФЕ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

22 декабря, в Клубе мастеров искусств состоится литературный вечер, посвященный памяти писателя-орлеаносца Николая Островского. Выступит слово о Николае Островском сделает Трегуб. С высокоинтересными о встречах с Николаем Островским выступит И. Вабель, М. Голосинский и народный артист РСФСР И. Суладков.

В художественной части вечера артисты: А. Дядков, С. Хромченко. Слова Родина исполнит любимые музыкальные произведения Николая Островского. Отыскать из песен «Как закаялась сталь» исполнит артисты Театра Ленинского комсомола. На вечере будет прослушана речь Николая Островского, записанная на граммофонную пластинку.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ Б. ПАСТЕРНАКА

25 декабря состоится первый после переиздания бюро творческий декадник секции поэтов. В. Пастернак будет читать новые переводы.

Председательствует П. Г. Антокольский.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕКТИВА: В. СТАВНИК, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЯТИНСКАЯ.

НАРКОМПРОС РСФСР

Центральные курсы эвонного обучения иностранным языкам.

«И Н — Я З»

применение на отделении АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ.

Справки ежедневно, кроме общеобразовательных, с 10 ч. до 5 часов. Препринт высылается за 50 коп. почтовыми марками 20 и 10-копечного достоинства. Москва, Кузнецкий мост, 4. Ленинградское отделение: ЛЕНИНГРАД, Апрахонь стр. 2.

ХОРОШУЮ КНИГУ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ

«Чем больше я читал, тем более книги росли для меня с миром, тем ярче, значительнее становилась для меня жизнь... Нередко я плакал, читая, — так хорошо расказывалось о людях, так милы и близки становились они. И мальчишка, залегавший дурачком, обижавший дурачком дряннью, а давал сам себе торжественные обещания помочь людям, честно послужить им, когда вырасту... Окрылял ум и сердце, книги помогли мне познать нас на гнилым болотом, где я утонул бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью...»

Мы невольно вспоминали эти проникновенно-благодарные слова Горького о книге, просматривая план школьной серии Детиздата. Строгий и забавливый друг детей, Горький делал все, что было в его силах, чтобы дать нашей молодежи хорошую книгу. По его предложению было организовано специальное детское издательство, его статьи: «Литература — детям», «О темах» — замечательное руководство к действию — план работы, не устаревший до сих пор.

Нигде в мире дети, молодежь не окружены таким вниманием и любовью, как в нашей стране. Советский народ справедливо гордится своей молодежью. И вот, просматривая план Детиздата, мы не могли отделиться от мысли: как же мало нужно сделать свое дело, уважать читателя, чтобы вернее партии и народа, чтобы работать так, как работает Детиздат!

Равнодушные люди на Детское издательство буквально отграбили советскую детство. Из намеченных к изданию в течение 1938 года 57 книг для школьников пятих — десятых классов не вышло

Литературная газета

№ 70